

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

2020 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Выпуск №3 (4)

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Issue №3 (4)

Этническая культура

Международный научный журнал
Выпуск 3 (4) | 2020

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Проблемы сохранения этнических культур
- Вопросы истории и теории искусств
- Проблемы межъязыковой и межкультурной коммуникации
- Вопросы методологии изучения этнических процессов
- История, теория и практика этнокультурного образования
- Современные социокультурные процессы
- Дискуссионный клуб: прогнозы, идеи и инновации
- Этнокультурные и социокультурные проблемы образования

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация
Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

ПЕРЕВОДЧИК:

Кузьмина Анастасия Анатольевна

КОРРЕКТОР:

Миронова Людмила Сергеевна

ДИЗАЙН:

Фирсова Надежда Васильевна

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Кузьмина Анастасия Анатольевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Артеменко Ольга Ивановна, канд. биол. наук, член-корреспондент РАЕН, доцент, руководитель Центра этнокультурной стратегии развития образования ФГБУ «Федеральный институт развития образования», Москва, Российская Федерация
Арябкина Ирина Валентиновна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация
Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, доцент БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, старший научный сотрудник БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Минобразования Чувашии, заслуженный работник культуры ЧР, Чебоксары, Российская Федерация
Васильев Владимир Александрович, д-р культурологии, канд. ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация
Гордеева Татьяна Юрьевна, д-р культурологии, доцент ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры и искусств», Казань, Российская Федерация
Жерносенко Ирина Александровна, д-р филос. наук, доцент, профессор РАЕ, проректор ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры», Барнаул, Российская Федерация
Иванова Елена Михайловна, д-р филол. наук, заведующая кафедрой, декан факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация
Кузнецова Людмила Васильевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация
Кульчар Валерия, канд. ист. наук, доцент кафедры археологии Университета Сегеда, Сегеда, Венгрия
Кучаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания РАН», Москва, Российская Федерация
Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств, Минск, Республика Беларусь
Луутонен Иорма, д-р филос. наук, доцент, научный сотрудник Университета г.Турку, Турку, Финляндия
Масанори Гото, д-р гуманитарных наук, профессор, научный сотрудник Хоккайдского университета, Хоккайдо, Япония
Мухтарова Шакира Мукашовна, д-р пед. наук, профессор Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан
Панкин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», Элиста, Российская Федерация
Сайдашева Земфира Нурмухаметовна, д-р искусствоведения, профессор ФГБОУ ВО «Казанская государственная консерватория им. Н. Жиганова», Казань, Российская Федерация
Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», Москва, Российская Федерация
Спирidonова Анастасия Александровна, канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация
Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Абакан, Российская Федерация
Терехов Павел Петрович, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры», Казань, Российская Федерация
Тихонова Анна Юрьевна, канд. пед. наук, д-р культурологии ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация
Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Республика Марий Эл, Российская Федерация
Хайруллин Мухиддин Айиддинович, д-р пед. наук, профессор ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования», Симферополь, Российская Федерация
Хрисанова Елена Геннадьевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация
Цаллазова Эльфа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Ордена дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва, Российская Федерация
Шкалина Галина Евгеньевна, д-р культурологии, профессор, заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Республика Марий Эл, Российская Федерация
Яниогло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент Комратского государственного университета, Комрат, Республика Молдова

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №Фс77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-182
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com. Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага мелованная. Формат 60×84 %. Усл. печ. л. 5,58. Заказ К-718. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	28.09.2020
Дата выхода в свет	30.09.2020

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Issue 3 (4) | 2020

"Ethnic Culture" is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

- Problems of Ethnic Cultures Preservation
- History and Theory of Art Questions
- Problems of Crosslinguistic and Intercultural Communication
- Methodological Questions for Studying Ethnic Processes
- History, Theory and Practice of Ethno-Cultural Education
- Modern Sociocultural Processes
- Debating Club: Forecasts, Ideas and Innovations
- Ethno-Cultural and Socio-Cultural Problems of Education

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philosophical sciences, associate professor, rector of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

TRANSLATOR:

Anastasiya A. Kuzmina

PROOF-READER:

Lyudmila S. Mironova

DESIGN:

Nadezhda V. Firsova

COMPUTER LAYOUT:

Anastasiya A. Kuzmina

EDITORIAL BOARD:

Olga I. Artemenko, candidate of biological sciences, corresponding member of RANS, associate professor, head of Center for ethnocultural strategy of education development FSBI "Federal Institute of education development", Moscow, Russian Federation

Irina V. Aryabkina, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation

Lyubov I. Busheva, candidate of art history, associate professor of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, senior research fellow BSI "Chuvash State Institute of Humanities" of the Ministry of Education of the Chuvash Republic, Honored worker of culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Vladimir A. Vasilev, doctor of cultural studies, candidate of historical sciences, professor of FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation

Tatyana Yu. Gordeeva, doctor of cultural studies, associate professor of FSBEI of HE "Kazan State Institute of Culture", Kazan, Russian Federation

Irina A. Zherosenko, doctor of philosophical sciences, associate professor, professor of Russian Academy of Science, vice-rector of FSBEI of HE "Altai State Institute of Culture", Barnaul, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, head of the department, dean of the faculty of FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation

Lyudmila V. Kuznetsova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Chuvash State Pedagogical University named I. Y. Yakovlev", Cheboksary, Russian Federation

Kulcsár Valéria, candidate of historical sciences, associate professor of Archaeology Department of University of Szeged, Szeged, Hungary

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of FPFIS "Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation

Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Luu-tonen Jorma, doctor of philosophical sciences, associate professor, research fellow of the faculty of Turku, Turku, Finland

Masanori Goto, doctor of humanities, professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan

Shakira M. Muhtarova, doctor of pedagogical sciences, professor of Karaganda State University named after academician E.A. Buketov, Karaganda, Republic of Kazakhstan

Arkadij B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Kalmik State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Russian Federation

Zemfira N. Sajdashcheva, doctor of art history, professor of FSBEI of HE "Kazan State Conservatoire named after N. Zhiganov", Kazan, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of FSBEI of HE "Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)", Moscow, Russian Federation

Anastasiya A. Spiridonova, candidate of pedagogical sciences, associate professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation

Klaviya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "N.F. Katanov Khakas State University", Abakan, Russian Federation

Pavel P. Terekhov, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Kazan State Institute of Culture", Kazan, Russian Federation

Anna Yu. Tihonova, candidate of pedagogical sciences, doctor of cultural studies of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation

Svetlana N. Fedorova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Mari State University", the Republic of Mari El, Russian Federation

Muhiddin A. Hajruddinov, doctor of pedagogical sciences, professor of SBEI of FPE of the Republic of Crimea "Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education", Simferopol, Russian Federation

Elena G. Hrisanova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Chuvash State Pedagogical University named I. Y. Yakovlev", Cheboksary, Russian Federation

Zariya B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Galina E. Shkalina, doctor of art history, professor, head of the department of FSBEI of HE "Mari State University", the Republic of Mari El, Russian Federation

Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФЦ77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-182
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., off 12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Coated paper. Format 60×84 1/8. Conditional printed pages 5,58. Order K-718. Circulation 100 copies.
Signed in the print	28 September 2020
Date of publication	30 September 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

Проблемы сохранения этнических культур

Замчалова И.Ю. Традиции в этнокультурных практиках Саратовского региона 7

Куцаева М.В. Этническая музыкальная культура московских мари (II) 11

Легостаева О.В. Сохранение и развитие национальных языков и культур коренных народов России как необходимое условие создания благоприятной билингвальной образовательной среды на территории РФ ... 19

Суворова М.К., Адамецкая Т.Н., Рашитова С.Ф. К вопросу об аксиологических аспектах феномена куклы в условиях смены культурных парадигм 24

Вопросы истории и теории искусств

Прокофьева В.Ю., Прокофьева А.Г. Башкирская тема в работах оренбургского краеведа начала XX века П.Л. Юдина 27

Проблемы межъязыковой и межкультурной коммуникации

Мукашева Р.М. Политическая активность женщин в свете этнокультурных особенностей кыргызского общества 31

Савицкая Е.В. Зависимость между грамматическим строем языка и стратегиями языкового мышления 35

Савицкий В.М. Этноспецифика культурных кодов 40

История, теория и практика этнокультурного образования

Герасимова Н.И., Герасимов С.И., Дроздова С.Ю. О положительной комплиментарности в свете истории миссионерства в Чувашском крае 45

From the editor-in-chief.....	6
-------------------------------	---

Problems of Ethnic Cultures Preservation

<i>Irina Yu. Zamchalova</i> Traditions of the Saratov Region in Ethnocultural Practices.....	7
<i>Marina V. Kutsaeva</i> Ethnic Musical Culture of Moscow Mari (II).....	11
<i>Oksana V. Legostaeva</i> Preservation and Development of National Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of Russia as a Necessary Condition for Creating a Favorable Bilingual Educational Environment on the Territory of the Russian Federation	19
<i>Maria K. Suvorova, Tatyana N. Adametskaya, Svetlana F. Rashitova</i> Revisiting Axiological Aspects of the Doll Phenomenon Under the Conditions of Cultural Paradigm Change.....	24

History and Theory of Art Questions

<i>Viktoriya Yu. Prokofeva, Alla G. Prokofeva</i> Bashkir Theme in Works by P.L. Yudin, Orenburg Local Historian of the Beginning of the XX Century	27
---	----

Problems of Crosslinguistic and Intercultural Communication

<i>Rahat M. Mukasheva</i> Political Activity of Women on the Basis of Ethnocultural Features of Kyrgyz Society.....	31
<i>Ekaterina V. Savitskaya</i> Dependency Between Grammatical Structure of Language and Verbal Thinking Strategies..	35
<i>Vladimir M. Savitskij</i> Ethnic Specificity of Cultural Codes.....	40

History, Theory and Practice of Ethno-Cultural Education

<i>Natalya I. Gerasimova, Sergey I. Gerasimov, Svetlana Yu. Drozdova</i> On Positive Complementarity in the Context of History of Missionary Work in the Chuvash Region	45
---	----

Дорогие читатели и авторы!

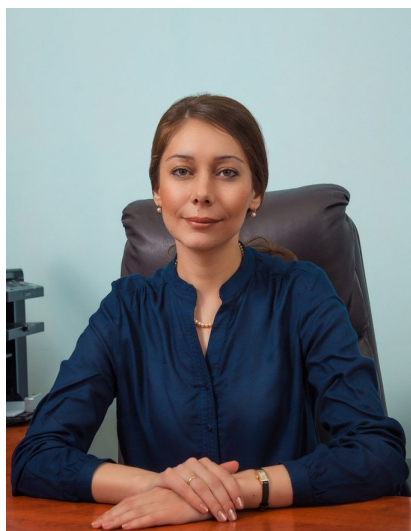
Журнал «Этническая культура» продолжает публиковать материалы современных исследований, в которых рассматриваются самые разные вопросы: место и роль этнических культур в истории человеческой цивилизации; механизмы образования этнокультурных традиций и методологические подходы к их изучению; различные компоненты культуры, выражающие ее этническую сущность; и в целом – удивительно богатый и сложный мир этнокультурных явлений и процессов.

2020 год в России объявлен Годом памяти и славы. Для наших авторов мы предлагаем новую рубрику, в которой разместятся статьи историко-биографического характера. Мы будем рады опубликовать статьи, посвященные персоналиям – ярким представителям своего народа, сыгравшим важную роль в общей победе в Великой Отечественной войне.

В числе наших авторов сегодня представители самых разных областей знаний: педагогики, психологии, филологии, истории, искусствоведения, культурологии. Мы намерены продолжить творческое сотрудничество с ними и последовательно будем выполнять главную миссию журнала – развитие плодотворного диалога, обмен опытом в области искусства, культуры, науки и образования для представителей различных этносов. Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают авторам и читателям новых научных открытий и творческих свершений!

Главный редактор,
кандидат философских наук, ректор,
Баскакова Наталья Ивановна

Dear readers and authors!

The academic journal "Ethnic Culture" continues to publish materials of modern researches devoted to a variety of issues: the place and role of ethnic cultures in the history of human civilization; mechanisms for the ethno-cultural traditions formation and methodological approaches to their study; various components of culture that express its ethnic essence; and in general – a surprisingly rich and complex world of ethno-cultural phenomena and processes.

2020 has been declared the Year of Memory and Glory in Russia. For our authors, we offer a new category, which will contain articles of historical and biographical nature. We will be happy to publish articles dedicated to personalities – bright representatives of the people who played an important role in the overall victory in the Great Patriotic War.

Among our authors are representatives of various fields of knowledge: pedagogy, psychology, philology, history, art history, cultural studies. We intend to continue our creative cooperation with them and will consistently fulfill the main mission of the journal – the development of a fruitful dialogue, exchange of experience in the field of art, culture, science and education for representatives of various ethnic groups. The editorial board, research team and executive team of the Chuvash State Institute of Culture and Arts wish authors and readers new scientific discoveries and creative achievements!

Chief editor,
candidate of philosophic sciences, rector
Natalya I. Baskakova

Традиции в этнокультурных практиках Саратовского региона

DOI 10.31483/r-75475

УДК 304.44:39(470.44)

Замчалова И.Ю.

Центр международных программ и проектов Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Саратов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-6183-7187>, e-mail: zamchalova72@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются вопросы сохранения культурных традиций ряда народов, живущих на территории Саратовского региона. *Цель работы* – показать, что сохранение традиций является источником дальнейшего развития и существования этносов.

Методы. В качестве методов исследования применяются: типологический, системного анализа, функциональный подход. Происходит поиск новых форм воссоздания национальных традиций, и они оказываются весьма продуктивными. Дана характеристика успешно проведённых в саратовском регионе исторических реконструкций, национальных фестивалей.

Результаты. Было выявлено, что подобные формы демонстрируют эффективное партнёрство между представителями разных поколений. Они способствуют популяризации культурного и исторического наследия, духовно-нравственному воспитанию. Автор подчеркивает, что молодежь, дети, пожилые люди демонстрируют свои творческие достижения. Отмечается, что фестивали выполняют культурно-просветительские функции, вовлекают в процесс детального изучения истории, обрядов, искусства представленных этносов. Творческие коллективы, исторические реконструкторы, участники школьных этнографических кружков проявляют активность в создании атмосферы традиционного уклада. Развивается эвристическое начало в среде участников мероприятий. При их организации демонстрируется социальное партнёрство между административными структурами, вузами, представителями частного бизнеса.

Выводы. На основе анализа результатов этнокультурных мероприятий, мы приходим к выводу о необходимости дальнейшего развития подобных форм, способных развивать традиции в культуре этносов. Проявляется растущий интерес к теме воссоздания традиционных укладов жизни поволжских народов. Налицо перспективность в развитии данного направления и необходимость дальнейшего теоретического обоснования значимости этнокультурных практик.

Ключевые слова: этнокультурология, традиции в культуре, этнокультурные практики, этнофестивали.

Для цитирования: Замчалова И.Ю. Традиции в этнокультурных практиках Саратовского региона // *Этническая культура*. – 2020. – № 3 (4). – С. 7-10. DOI:10.31483/r-75475.

Traditions of the Saratov Region in Ethnocultural Practices

Irina Yu. Zamchalova

Center of international programs and projects of Stolypin Volga Region Institute of administration (branch) of FSBEI of HE "Presidential Academy of National Economy and Public Administration", Saratov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-6183-7187>, e-mail: zamchalova72@mail.ru

Abstract: The article deals with the preservation of the cultural traditions of some peoples living in the territory of the Saratov Region. *The aim of the study* is to show that the preservation of traditions is a source of further development and the existence of ethnic groups.

Methods. During the study the following methods are used: typological, system analysis, functional approach. There is a search for new forms of recreation of national traditions, and they are very productive. The characteristic of the historical reconstructions, national festivals successfully held in the Saratov Region is described.

Results. It was found that such forms demonstrate effective partnership between representatives of different generations. They contribute to the popularization of cultural and historical heritage, spiritual and moral education. The author outlines that youth, children, elderly people demonstrate their creative achievements. It is emphasized that festivals perform cultural and educational functions, involve in the process of a detailed study of history, rites, art of the ethnic groups represented. Creative groups, historical reenactors, and participants in school ethnographic circles are active in creating an atmosphere of a traditional way of life. A heuristic principle is developing among the participants of events. When they are organized, social partnerships between administrative structures, universities, and private business representatives are demonstrated.

Conclusions. Based on the analysis of the results of ethnocultural events, we believe that it is necessary to improve such forms that help to develop traditions in the culture of ethnic groups. There is a growing interest in the topic of restoring the traditional ways of life of the Volga peoples. There is promise in the development of this direction and the need for further theoretical justification of the significance of ethnocultural practices.

Keywords: ethnoculturology, traditions in culture, ethnocultural practices, ethnic festivals.

For citation: Zamchalova I.Y. (2020). Traditions of the Saratov Region in Ethnocultural Practices. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 7-10. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75475.

Введение

Важнейшим принципом сохранения и развития культуры народов является следование традициям. Вслед за культурантропологом А.Л. Кребером мы можем утверждать, что традиция – это некая трансляция особенностей культуры во времени; комплекс

представлений и культурных навыков, передаваемых следующим поколениям [3, с. 7]. А если речь идет о трансляции ценностей, то этот процесс не является застывшим копированием. Традиции движутся, модернизируются, а значит, являются животворящим процессом культуротворчества. Существует механизм их

передачи: обряды, обычаи, этические нормативы. Но это лишь внешние детерминанты. Традиции наполнены внутренним глубоким смысловым идеологическим содержанием, отражающим архетипические сущности народов, их носителей.

Методы исследования

Главными методами исследования в работе являются: наблюдение, сравнение, анализ, синтез. Изучение этнокультурного наследия осуществляется на основе использования междисциплинарного и диалектического подходов, принципов целостности, историзма.

Е.В. Романовская рассматривает традицию как форму социальной памяти. Традиция – это среда коллективной памяти понятой как сеть привычек, стереотипов мышления, условностей и т. д. [4, с. 12].

Согласимся с позицией С.М. Фроловой, утверждающей, что изучение традиций дает возможность проследить особенности деятельности, аксиологической, ментальной сущности каждодневного бытия людей, выявить отличительные характеристики общественного и культурного развития, присущие определенному историческому этапу жизнедеятельности общества [5, с. 306].

Источник развития традиции содержится в ней самой. Это динамическая категория, она содержит в себе источник преодоления одних организованных норм и образования новых форм или стереотипов. Культурная динамика ведет к появлению двух типов новаций. Экзогенные – обусловлены внешними факторами, связанными с внешними факторами влияния. Внутренними потребностями детерминированы эндогенные новации, возникающими внутри самой культуры, в процессе её развития. Традиции сами себя преобразуют, обретают «свежесть», обновляются.

Между традициями и новациями происходит вечное соперничество, при этом они сохраняют своё единство, играют определенную роль в обществе. Благодаря новациям обогащается культура, происходит взаимодействие между культурными системами и этносами.

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассета полагал, что традиции и новации в культуре пребывают в постоянном противоборстве и, в то же время составляют неразрывное единство в культурном пространстве: человек всегда вынужден хранить преемственность с прошлым, будущее рождается из свободы, которая предполагает выбор между вариантами поведения, а последние «формируются лишь на основе прошлого – нашего и чужого, – служащего как бы материалом, который вдохновляет на новые их сочетания...» [2, с. 511]. Отечественный этнограф С.А. Арутюнов писал об общности людей, где диахронные (вертикальные) связи образуют основу этноса. «Это вся культурная традиция народа, его творческое наследие, передаваемое из поколения в поколение в словесной (устной или письменной-литературной), а также в материально-изобразительной форме» [1, с. 21]. Эти информационные связи передаются следующим поколениям, обуславливая преемственность и стабильность этноса в течение веков.

Современные попытки исторических реконструкций с использованием различных традиционных форм

весьма успешны. Примером тому являются национальные фестивали. В частности, «Большой Караман» в Советском районе, с. Степное, что в Левобережье Саратовской области. В районе проживают русские (78%), казахи (9,1%), украинцы (3,6%), мордва, татары, немцы. Этот регион с давних времён был наполнен множеством народов и этносов – со времён скифов и сарматов. Данные территории принадлежали Хазарскому каганату, Золотой Орде. Позже, в XVIII веке начинается активное освоение немецкими колонистами. Город Мариенталь, он же «Долина Марии» (ныне с. Советское) – один из центров немецких поселений дореволюционной России, в который входило 31 село и было третьим пунктом по административно-хозяйственной значимости после Покровска (г. Энгельс) и Катериненштадта (г. Маркс).

Культурное наследие региона иллюстрируется в рамках проводимого с 2017 года исторического и этнофестиваля «Большой Караман». Здесь продемонстрировано богатейшее культурное наследие потомков сарматов, монголов, казахов, удмуртов, немцев и других этносов. Находясь недалеко от г. Саратова (в 110 км), село Степное принимает гостей в народных костюмах, воссозданных в соответствии с традициями. Гости фестиваля угощаются национальными яствами. Представлены исторические артефакты, предметы декоративно-прикладного искусства, проводятся мастер-классы по кузнечному делу, гончарному и др.

Материальные формы памяти перекрещиваются с ментальными. Интерес к мероприятию с каждым годом возрастает. От полутора тысяч в 2017 г – до 3700 чел. в 2019 г., из них 15 чел. потомков эмигрантов, в конце XIX в. уехавших в Аргентину. Проект имеет социальную направленность: в нем участвуют представители ВОИ (общество инвалидов – люди маломобильные и наиболее заинтересованные в познании нового), районный и областной Совет ветеранов. Перед нами – модель регионального исторического познавательного туризма для пожилых людей и инвалидов, уже апробированная и прижившаяся в культурном пространстве региона. В фестивале участвуют фольклорные объединения, мастера-ремесленники. С необыкновенной точностью воссозданы исторические этнические костюмы – татарские, немецкие, мордовские. Здесь проходят презентации предметов народного декоративно-прикладного искусства. Организуются экскурсии по историческим местам района. Выступают фольклорные коллективы и сольные исполнители. Результатами проведения фестиваля стало создание краеведческих кружков. Проводятся семинары по истории и этнографии народов Саратовского Заволжья для знатоков и любителей краеведения «Арии – скифы – сарматы», «Монголы и Золотая Орда», «Калмыки, ногаи, немцы». Создано пять видеопрограмм, в частности, «Этносы и культура Заволжья». Получен Президентский грант на проведение Фестиваля в 2020 г [6].

Через прикосновение к традициям идет движение к реальному, осязаемому общению и познанию региональной истории и культуры.

В Саратовской области, многонациональной по составу, традиционно отмечают Международный день

Навруз. Слово «навруз» в переводе с персидского языка означает «новый день». Всемирная организация ЮНЕСКО включает праздник в список нематериального культурного наследия человечества. Это символ обновления, рождение природы и новой жизни, духовного и физического очищения. Он отмечается в марте и считается весенним новогодним праздником равноденствия. В фестивале участвуют многие общины, в том числе, казахская, татарская, таджикская, курдская.

В середине марта празднуется казахский национальный праздник «Корису айт». Издревле казахи вели кочевой образ жизни, а этот день знаменовал встречу родственников, друзей по окончании долгой зимы. Встреча друг с другом – главное событие праздника. В честь национального праздника Саратовская областная организация «Культурный центр «Казахстан» в Саратове организовала большую праздничную программу. Как рассказала руководитель организации Умуткан Джунельбаева, это очень теплый и необычный праздник, на протяжении веков празднуется поволжскими казахами. После долгой зимы все радуются наступлению долгожданной весны. В этот день принято поздравлять с наступлением весны. На национальном празднике в Саратове собрались потомки кочевого народа из Алтайского, Ершовского, Краснокутского, Марковского, Новоузенского, Энгельского районов. На празднике звучат песни на казахском, русском языках. Дети подготовили к торжеству яркие творческие номера. Старейшины говорили: «Амал күні айты қабыл болсын!» (Да будет благословен День возрождения к жизни).

В городе Вольске Саратовской области проводятся фестивали ухи. С XVII века местные жители, в основном, русские по национальному составу, занимаются рыболовством. Известно, что рыбная слобода Малыковка снабжала столицу стерлядью, осетровыми. В дальнейшем рыбная ловля сохранялась как один из видов жизнеобеспечения и источник доходов местного населения. Именно традиции *трудовой практики* легли в основу проведения подобных мероприятий. В 2016 году состоялся первый фестиваль ухи, он стал ежегодным, вовлекая всё большее количество участников.

Еще один принцип – историко-археологических реконструкций – лежит в основе проведения фестивали «Укек. Один день из жизни средневекового города». В XIII – XIV вв. недалеко от современного г. Саратова располагался золотоордынский город Укек. Там сейчас ведется активная исследовательская работа археологов, изучающих по извлеченным артефактам историю Золотой Орды. Кроме научного интереса, здесь прохо-

дит фестиваль. Участники погружаются в жизнь средневекового города с его базарами, торговцами, ремесленниками. Проводятся мастер-классы по гончарному и кузнечному делу, обучают азам письменности, играм, проходят состязания лучников и воинов, организована конная программа «Всадники Укека». Выступают этно-фольклорные коллективы. Охват участников – более 60 тысяч человек. Фестиваль получил статус «Национальное событие 2018», в 2019 г. одобрен Фондом президентских грантов.

Важнейшим аспектом общественного развития является соединение традиции и официальной направленности культуры. Мы наблюдаем активное участие властей в поддержании проведения этнокультурных фестивалей, праздников. Официальная атеистическая идеология на протяжении большей части XX в. в нашей стране не поддерживала в достаточной степени традиционные формы культуры. Религиозное содержание традиционных культурных форм шло вразрез с официальной установкой общественного развития.

Результаты исследования

В процессе проведенного исследования нами были выявлены новые формы и способы сохранения и культивирования традиций этносов, в частности, этнокультурные фестивали, исторические реконструкции. Определены их функции: историко-познавательные, культурно-просветительские. Выявлена необходимость и возможность социального партнерства между различными группами участников: административными структурами, студентами, школьниками, представителями бизнеса.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, традиции не являются «застывшей», статичной моделью культуры; формируясь на протяжении веков, традиции составляют скрепляющий базис любого этноса. Второе: проявляясь в современной жизни, традиции развиваются, обретают новые формы, побуждают к модернизированным прочтениям, вызывают интерес у разных социальных групп. Молодежь и пожилые люди объединяются в едином потоке творческого процесса, что является важнейшим аспектом преемственности между поколениями. В-третьих, проводимые этнокультурные фестивали, семинары, конкурсы активно поддерживаются официальными представительствами – местной и региональной властью, что даёт возможность соединиться многоуровневым общественным структурам.

Список литературы

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 249 с.
2. Ортега-и-Гассет. Избранные труды: пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. – М.: Весь Мир, 1997. – 704 с.
3. Полонская И.Н. Понятие традиции: проблема определения // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – №2.
4. Романовская Е.В. Традиция как форма социальной памяти: институциональный дискурс. – Саратов: Саратовский источник, 2012. – 128 с.

5. Фролова С.М. Традиции как эмпирическое отражение практик повседневного бытия // Манускрипт. Грамота. – 2018. – №11 (97), Ч. 2. – С. 306–309. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.28> (дата обращения: 02.03.2020).

6. Этнокультурный исторический фестиваль "Большой Караман". Шкала веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=995C3FD8-BB1A-4970-99BB-1053AD9B2510> (дата обращения: 06.03.2020).

References

1. Arutyunov, S. A. (1989). Peoples and cultures. Development and interaction., 249. Moscow: Nauka.
2. Ortega y Gasset, J., Rutkevicha, A. M. (trans.) (1997). Izbrannye trudy [Selected works], 704. Moscow: Ves' Mir.
3. Polonskaya, I. N. (2006). The concept of tradition: the problem of definition. Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki, 2.
4. Romanovskaya, E. V. (2012). Traditsiya kak forma sotsialnoy pamyati: institutsionalnyy diskurs (Tradition as a form of social memory: an institutional discourse), 128. Saratov: Saratovskii istochnik.
5. Frolova, S. M. (2018). Traditions as Empirical Reflection of Everyday Existence Practices. Manuskript. Gramota, 11 (97), Ch. 2, 306-309. Retrieved from <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.28>
6. Etnokul'turnyi istoricheskii festival' "Bol'shoi Karaman". Shkala vekov. Retrieved from <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=995C3FD8-BB1A-4970-99BB-1053AD9B2510> (дата обращения: 06.03.2020).

Информация об авторе

Замчалова Ирина Юрьевна – канд. филос. наук, заведующая сектором Центра международных программ и проектов Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиала) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Саратов, Российская Федерация.

Information about the author

Irina Yu. Zamchalova – candidate of philosophical sciences, head of the sector of the Center of international programs and projects of Stolypin Volga Region Institute of administration (branch) of FSBEI of HE “Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, Saratov, Russian Federation.

Этническая музыкальная культура московских мари (II)

DOI 10.31483/r-75887

УДК 811.511.151

Куцаева М.В.

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»,
Москва, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>, e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Резюме: Статья посвящена вопросу поддержания и сохранения этнической музыкальной культуры марийцев в условиях диаспоры. *Цель статьи:* определить перспективы сохранения этнической музыкальной культуры членов марийской диаспоры в рамках интеграционных процессов в поликультурном пространстве московского региона. *Методы.* Автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона; выборка составила 100 респондентов, все они являются уроженцами Республики Марий Эл или мест традиционного компактного расселения марийского этноса, в настоящее время проживают в Москве или в Московской области. Одним из аспектов обследования являлось изучение языковой лояльности респондентов, которая косвенно находит свое воплощение в знании и сохранении этнической музыкальной культуры. Респондентам, в частности, были заданы вопросы о том, на каком языке или языках им доводится слушать или петь песни; какое значение – в условиях проживания вдали от малой родины – имеет для них песня на марийском языке. На основе ответов, полученных в ходе интервью, составлены таблицы.

Результаты. Как показали результаты социолингвистического обследования в марийской диаспоре, подавляющее большинство респондентов (96%) так или иначе слушают (и/или поют) песни на этническом языке, при совершенно различных обстоятельствах и с использованием широкого спектра современных технологий и средств телекоммуникации. Представители диаспоры принимают активное участие в различных культурных и музыкальных мероприятиях, которые проводятся не только в рамках землячества, но и по частной инициативе молодых активистов. Автором делается вывод о том, что этническая музыкальная культура, связь с которой члены диаспоры поддерживают как самостоятельно, так и коллективно, несомненно, играет важную роль в сплочении московских марийцев и привлечении все новых членов марийской диаспоры, не позволяя им полностью ассимилироваться в поликультурном пространстве мегаполиса и способствуя сохранению их этнической и культурной идентичности.

Ключевые слова: марийская диаспора, московский регион, этническая культура марийцев, луговые марийцы, горные марийцы, восточные марийцы.

Для цитирования: Куцаева М.В. Этническая музыкальная культура московских мари (II) // Этническая культура. – 2020. – № 3 (4). – С. 11-18. DOI:10.31483/r-75887.

Ethnic Musical Culture of Moscow Mari (II)

Marina V. Kutsaeva

PFPI "Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences",

Moscow, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>, e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Abstract: The article deals with the problem of maintaining and preserving the ethnic musical culture of the Mari people in the conditions of the diaspora. *The purpose of the article* is to determine the prospects for preserving the ethnic musical culture of members of the Mari diaspora in the framework of integration processes in the multicultural Moscow region. *Methods.* The article is based on the data obtained when conducting a sociolinguistic survey in the Mari diaspora of the Moscow region; the selective sampling include 100 respondents, all of them are natives of the Republic of Mari El or places of traditional compact settlement of the Mari ethnic group, currently living in Moscow or in the Moscow region. One of the aspects of the survey was to study the respondents' language loyalty, which indirectly manifests itself in the knowledge and observance of ethnic musical culture. In particular, the respondents were asked questions about the language or languages in which they are likely to sing or listen to songs, about the value and significance of Mari songs in their lives. Based on their answers, tables, reflecting the results, were drawn.

Results. According to the results of the sociolinguistic survey in the Mari diaspora, a vast majority of the respondents (96%) listen to (and/or sing) songs in their ethnic language one way or another, under completely different circumstances and using a wide range of modern technologies and telecommunications. The representatives of the Mari Diaspora take an active part in various cultural and musical events, which are held not only within the framework of the ethnic Mari community in Moscow, but also on the private initiative of young Mari activists. The author concludes that the ethnic musical culture, which the members of the Diaspora maintain both independently and in groups, undoubtedly plays an important role in uniting the Moscow Mari people and attracting new members of the Mari Diaspora, it slows down assimilation processes and contributes to the preservation of their ethnic and cultural identity.

Keywords: Mari diaspora, Moscow Region, Mari ethnic culture, Meadow Mari, Hill Mari, Eastern Mari.

For citation: Kutsaeva M.V. (2020). Ethnic Musical Culture of Moscow Mari (II). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 11-18. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75887.

3.3. Досуговая сфера

Несмотря на то, что 32% респондентов в выборке заявили о том, что слушают марийские песни скорее наедине, значительное число опрошенных, по их словам, – так или иначе в компании: только в компании друзей или родственников (18%), а также и в компании, и наедине (41%) (см. таблицу 8).

Таблица 8

Table 8

Наедине	В компании	Наедине и в компании	Не указали
32%	18%	41%	9%

«Слушаю только песни луговых мари. И наедине, и в компании. А веселой компанией можем и спеть!» (В. Н., 34). «Можно на марийском спеть, когда тебе что ли... за столом сидишь, с друзьями, семейно. Ты тогда раскрываешься и поешь!» (Г. И., 61). «Петь я по-разному пою. Петь я люблю. Марийские я тоже пою. Поем мы. На праздниках мы на марийском поем. У меня муж еще на гармошке играет, так что мы поем и пляшем по-марийски. Такое бывает. Да, здесь. Ну, дни рождения бывают. Дед у меня играет, а я пою и пляшу!» (З. Е., 65).

Действительно, без песни едва ли обходится марийский праздник или торжество. Это касается не только праздничной культуры в сельской среде. В структуре городской культуры мари праздники также составляют неотъемлемый ее атрибут. В современном быту городские республиканские марийцы, недавние выходцы из села, отмечают как традиционные народные, так и национальные праздники, появившиеся относительно недавно. Значительное место в праздничном времяпрепровождении горожан-мари занимают песни и танцы: народные и популярные песни марийских композиторов исполняются под аккомпанемент гармони и баяна, широко используются современные аудиовизуальные средства, проводятся концерты марийской эстрады. Все более популярным и привлекательным становится праздник *Пеледыш Пайрем*¹ [2, с. 160–163].

Надо сказать, представители диаспоры, активисты московского землячества мари, принимают активное и достаточно деятельное участие в ежегодном проведении национального праздника *Пеледыш пайрем*, регулярных марийских встреч и других мероприятий. Такие праздники становятся, безусловно, яркими событиями в культурной жизни московских марийцев, они позволяют участникам получить эмоциональную разрядку, поддержать и укрепить их «марийский дух» в полилингвальном и поликультурном пространстве столицы. Бесспорна их роль в сплочении московских марийцев и привлечении новых членов марийской диаспоры, лишь недавно переселившихся в московский регион и испытывающих «дефицит» общения на марийском. Приведем лишь некоторые цитаты.

«Сначала было так, что только одна у меня знакомая была. Мы с ней общались. Но она уже в Москве давно, и она сказала, что редко, но собираются на какие-то праздники, там они устраивают праздники, поют, пляшут, под гармошку под нашу. В общем, все марийцы собираются. Я говорю, что тоже туда хочу! Вот и начали ходить вместе. Перезнакомилась. Друзья появились. Вот так! В первый же год!» (Т. Я., 52). «Хожу на мероприятия. Как попала? Они просто как-то кидают же объявление. Позвонила по номеру. Они приглашали, я поехала. После того вот меня в землячество записали. Московское. На «Пеледыш пайрем» ездила летом. Потом у нас еще приезжали со всей республики марийки. Конкурс красоты, с нашей соседней деревни девушка приезжала, вот она первое место заняла. Да, мы ходили. У меня и фотографии есть. А еще «Марий Кас» бывает – «Марий Кас» ходим. Там познакомилась с марийцами. Очень хорошие, приятные, общительные. Одна девушка и в

гости уже приглашала, и на юбилей приглашала, и на новоселье приглашала, хотя вот мы познакомились-то как год!» (С. П., 60).

«А еще я вела несколько раз «Пеледыш айо» в Москве. У нас в июне есть «Пеледыш пайрем» в республике. И наш руководитель землячества Елена Минилбаева организовывала «Пеледыш айо», и вот мы все марийские активисты участвовали, певцы пели, она составляла программу. Самый первый «Пеледыш айо» вела я, там была такая маленькая сцена, народу было много, я как раз тогда говорила и на горном, и на луговом. Было очень интересно, особенно в последний раз, когда три года тому назад я вела мероприятие, и как раз все на луговом. В конце говорю фразу: «Ребята, вы вообще чувствуете, что вы сейчас в Москве?». Все такие: «Нет!». – «У вас есть ощущение, что мы все в Йошкар-Оле?» – «Да!». Настолько была такая великолепная обстановка!» (И. М., 30).

Известно, что музыкально-концертная жизнь республики (это относится и к местам компактного проживания марийского этноса – прим. МК) интенсивна, рост мастерства исполнителей стимулируют различные музыкальные фестивали и конкурсы [3, с. 414–415]. Традиции народной музыки сохраняются и развиваются в творчестве музыкантов-исполнителей, коллективов художественной самодеятельности, произведениях марийских и российских композиторов [3, с. 354].

Одни респонденты в выборке, по их словам, являлись членами творческих коллективов, другие были причастны к непосредственной организации музыкально-концертной жизни на малой родине, следовательно их активное участие в культурной жизни московских марийцев представляется вполне логичным. «Большое место марийская музыка занимает тоже. Потому что перед переездом в Москву, мы с матерью проводили марийские дискотеки у себя в Уржумском районе. Ну у нас там на пороге 2010 года начался такой подъем культурный среди марийского населения. Очень много стали покупать себе костюмы с вышивкой марийской, дисков всяких, DVD и аудио с марийскими песнями, очень много артистов марийской эстрады с Йошкар-Олы ездить начали. И ездят до сих пор по селам и деревням, выступают. И соответственно, мы тоже волну подхватили, мы стали проводить марийские дискотеки, и это стало популярно очень среди бабушек и женщин, да и мужички тоже иногда с гармошками подходили, подтягивались. Это было как бы по зову души. И плюс нам районный дом культуры предоставил возможность проводить дискотеки на базе дома культуры, аппаратуру предоставляли, и вот мы подобрали фонотеку, песни. Какую-то мама программу сочиняла, фразы специально для меня на марийском языке готовила. Я как бы был немножко ведущим этих дискотек. Мы специально готовили таким образом, чтобы было на марийском. Я сначала перед дискотекой прогонял несколько раз сценарий на марийском языке. И уже более-менее на бумаге вел и довольно успешно. А после переезда пришлось немного прекратить эту деятельность. В Москве здесь это проявляется в том, что дома слушаю. Плюс, ежегодно проходит национальный праздник цветов в одном из

парков Москвы. «Пеледыш пайрем» называется. Мы... землячество собирается и пляшет под марийские песни, бываю, да. Иногда бывает, что отпуск приходится, когда я уезжаю в Йошкар-Олу. Тогда это центральный праздник вообще для всех марийцев. Либо уже здесь в Москве хожу» (И. С., 31).

Интересным кажется и тот факт, что многие члены марийской диаспоры в Москве заявили о том, что поддерживают дружеские связи с представителями творческой интеллигенции в республике, лично знакомы с музыкантами-исполнителями или же имеют таковых среди своих родственников. «Современные слушаю. Веселые. Ну вот – Михаил Веселов. Мы с ним знакомы». (Н. О., 28). «Сейчас интернет работает нормально, я захожу, допустим, в театр Шкетана, где работают артисты, которых я знаю, которые меня знают. Многие ведущие артисты меня знают. Я с некоторыми созваниваюсь» (В. А., 62).

Кроме того, с мая 2019 года в Москве, независимо от деятельности землячества, реализуется проект «Моско марий тўвыра рўдер» («Центр притяжения марийской культуры в г. Москве»). Проект нацелен на укрепление взаимных связей и сохранение среди проживающих в Москве марийцев культурных традиций; в рамках проекта предполагается обучение марийскому языку, марийскому танцу, марийской песне взрослых и детей, создается фото- и видеопродукция на марийском языке, активно ведутся аккаунты проекта в социальных сетях. Проект достаточно мобильный, мероприятия проводятся в библиотеках и на улицах Москвы, в Московском доме национальностей. Так, в конце декабря 2019 года команда проекта провела для московских марийцев традиционный марийский Новый год с исполнением веселых песен и танцев². В феврале 2020 года состоялся творческий вечер народной артистки Республики Марий Эл эстрадной певицы Светланы Строгановой [4]. В личной беседе один из активных участников проекта сказал следующее: «Планов много. Планов громадье, раскрывать не буду. Но наметки есть. Мне очень нравится, чем мы занимаемся. Буквально вчера разговаривали об этом. И нашел отклик в нашей команде. У нас, можно сказать, команда. Здесь, в Москве, мы на виду. А на самом деле где-то еще тоже работа ведется, но, может, не используются такие новые технологии, как мы используем, но они что-то делают. И вроде как с оглядкой на нас они тоже начинают чем-то таким заниматься. Нас видно в сети. Мы делаем все заметным именно для продвижения культуры. Пусть в нас бросают камнями, что мы не так делаем, что мы не так что-то сказали, но мы гнем свою линию, мы считаем, что это правильно» (А. Б., 47).

Наконец, важно отметить, что досуговая сфера московских марийцев значительно оживилась благодаря деятельности молодых представителей марийской диаспоры. Проживая долгое время в Москве, Юлия С., по ее словам, в какой-то момент почувствовала, что ей не хватает марийского языка. Приехав как-то погостить на малой родине, она устроила марийскую дискотеку: «Хотя я до этого не знала марийскую эстраду, я познакомилась с ней. Мне это было очень интересно,

потому что за столько времени очень много всего там поменялось. Я знакомилась с ними, я их приглашала. Я бесплатно устраивала именно своим сельчанам концерты, дискотеки. Это вот просто... что-то не хватает своего. Бывает такое. А потом мне этого не хватало в Москве, так как я понимала, что я уже живу в Москве, я уже укоренилась, большую жизнь живу в Москве, нежели там. Я решила, что ... ну а если... И все это воплотила в Москве!» (Ю. С.).

Во-первых, Юлия создала сообщество «Марисем Москва», в столицу приглашаются марийские артисты и популярные марийские эстрадные исполнители, арендуется помещение, благодаря объявлениям в социальных сетях на марийские дискотеки удается привлечь значительное число представителей диаспоры. «Приходят все марийцы, всех марийцев собираю в Москве. Башкирмарийцы приходят, приходит молодежь, и также приходит взрослый контингент до пятидесяти пяти даже. Приходят люди! Они мне говорят, что этого не хватает в Москве. И такого формата никогда в жизни не было в Москве. То есть бывают «Марий касы»³, когда они два-три часа поплясали под гармошку, это днем. А это вечером, именно как дискотечный вариант, современный. И песни только-только на марийском языке» (Ю. С.). Со сцены звучит современная марийская музыка: «Сейчас в принципе марийская эстрада, в принципе, – это как попса, как частушки, только буквально они туда добавляют более... такую музыку более... раньше если все это было под гармошку, сейчас это все записывается в звукостудии, музыка современная».

Однако не все представители марийской диаспоры однозначно восприняли новый формат музыкальных мероприятий. Некоторые люди считают такие дискотеки «недостаточно марийскими», сравнивая их с теми, которые проводились в прошлом. «Там все-таки было душевно, скажем так. Не потому, что это не мы! Чтобы вы правильно понимали. Люди – поколение, видимо, сейчас другое. Подросли другие люди. И именно у этих организаторов немножко взгляды на марийское именно несхожи, скажем так. У меня иной раз бывает желание прийти посмотреть, что там происходит. Но по отзывам – не очень хорошо. В основном организаторы ведут на русском, ведут себя не по-марийски, скажем так. В моем понимании – вот когда устаешь от суеты этой московской, рутины, можно в любой клуб прийти и под бумс-бумс потанцевать. И так далее. А когда ты собираешь и называешь мероприятие марийским, ты должен вернуться к истокам. Из чего все это началось, да! Что не только это... какие-то дискотечные, современные. Там в основном включают именно эту музыку. Поэтому я – за то, чтобы на этих вечерах у людей была возможность самим спеть, вспомнить какие-то моменты, познакомиться, пообщаться. Какие-то игры именно марийские. Вот как раньше они проходили! И это было очень душевно. Как бы... у меня было такое ощущение, что я не в Москве где-то нахожусь, а действительно – окружение, люди, которые говорили на марийском языке, которые переключались – вот так это было! А сейчас я вижу, что там просто тусовка, вроде бы марийская музыка

какая-то звучит, но при этом они все говорят на русском. Ну то есть вот ... как бы души не стало».

Во-вторых, являясь активным пользователем социальных сетей, Юлия организует регулярные прямые – фактически музыкальные – эфиры с марийцами, проживающими в разных уголках страны. «Да, я сейчас начала... у меня есть инстаграм, я собираю с Екатеринбурга марийцев, с Ростова-на-Дону, с Нефтекамска, Сургут, Марий Эл. То есть откуда только люди не сидят! Как я с ними знакоюсь? По пятницам в 19.00 до 21.00 я провожу там «Караоке кас» на марийском языке. То есть «Караоке кас» – только на марийском языке, все это только на марийском языке! Выйти надо со мной в прямой эфир и на марийском языке чуток рассказать о себе, откуда я и спеть песенку на марийском языке. Пользуется популярностью! Естественно, от себя уже в течение года, именно от себя, я даю поощрительный приз в неделю в этом Караоке касе» 500 рублей – тот, кто победил. Я очень довольна, потому что я общаюсь с марийскими людьми и хотя бы один раз в неделю мне это доставляет, я получаю кучу эмоций – потому что поговорил на своем родном языке! И еще знакоюсь, и людям дарю какой-то приз. У меня по пять-шесть человек выходят за час! Откуда только не выходят! Может, возможно, они даже не за эти 500 рублей, а просто, чтобы пообщаться. Поэтому это очень интересно, такого в Марий Эл еще нету. Именно такое, что я придумала» (Ю. С.).

Не так давно музыкальная стезя привела Юлию и на радио. Ее пригласили стать ведущей программы «Нерусского радио»: «Там именно рубрику дают на два часа человеку. То есть я как ведущая буду приглашать своих знакомых или хороших знакомых, которые уже песни поют и у них яркая жизнь. Буду приглашать на радио на два часа. На марийском языке буду несколько вопросов задавать, как вы живете, как вы попали в Москву, чем занимаетесь и какая жизнь. Ну то есть в таком формате. Скоро этот проект откроется. И это радио собирает людей именно со всех республик».

В-третьих, в ноябре 2019 года логичным продолжением марийских дискотек в Москве стало создание ансамбля «Марисем Москва» по инициативе Юлии С. Музыкальный коллектив объединил на сегодняшний день пятнадцать молодых марийцев, проживающих в московском регионе. В ансамбле есть свой хореограф и гармонист. Репетиции проходят по воскресеньям. «Каждое воскресенье мы там танцуем и поем. То есть отдушина у нас сейчас большая с ноября месяца. Мы, как только все собрались, сначала распеваемся немножко и начинаем петь песни, которые нам музыкант предложила. То есть они уже в наш репертуар входят. Мы начинаем пропевать все песни, частушки. А потом у нас есть частушки с танцами, уже прямо постановочные. Мы это репетируем. Потом у нас рождается танец. Если кому еще какие песни нравятся, то мы пропеваем. Допустим, если всему коллективу понравилась определенная песня, все мы решаем, что мы ее поем. Мы ее включаем. У нас потихонечку три-четыре номера пока. Кто-то у нас любители, кто-то, как моя подруга, с детства зани-

мался, она всегда пела. В ближайшее время у нас будет дискотека, и мы хотим на этой дискотеке, насколько я понимаю, со слов организаторов, мы хотим в национальных костюмах выйти с этими номерами. Заявить о себе. С приподнятым настроением ухожу с репетиций. Как-то вот, знаете, за неделю работы все равно в каком-то напряжении находишься, а это вот как-то настолько отвлекает, настолько душу переворачивает! Что окрыленная, с таким настроением ты готов к новой рабочей неделе, позабыв о старой неделе. До понедельника. И тут уже – всё, душа пошла плясать и петь!» (Е. К., 33).

«В ансамбле мы все луговые. Они не подтягиваются. Знаете, они, горные мари, они немножко другие. Они вот как-то живут в своей общине, скажем так. И очень сложно к ним подступиться. Они как-то в Москве отдельно тусуются» (В. Н., 33).

Действительно, несмотря на утверждения некоторых респондентов о том, что марийцы вероятнее всего любят слушать музыкальные композиции различных групп марийцев – в том числе и на дискотеках («Я слушаю и луговых, и горных, и восточных, и кировских – бывает, включаем мы. Вообще, на самом деле, марийцы практически все так слушают. Разные. Если вы возьмете дискотеку, там звучат песни разных марийцев. Ну в основном, восточных и луговых, но иногда могут и другие звучать» (А. Р., 33), «Мы разные на встречах слушаем, и горных тоже приушаем» (А. П., 52), в выборке, как стало очевидно из опроса, значительное число респондентов предпочитают слушать «свои» песни (см. результаты, представленные в таблице 7).

Кроме того, как показал опыт проведения марийских музыкальных мероприятий в диаспоре в недавнем прошлом, иногда возникали конфликтные ситуации, когда «кто-то в конце праздника сцеплялся. И всегда какой-то один был виноват, один зачинщик – луговой и второй – из горных», – сообщил респондент на условиях анонимности. «Я была как-то на какой-то вечеринке, где их было большинство. А там так получилось, что один из организаторов был из горных мари. Вот. И они как-то вот туда все подтянулись. Ну я, конечно, веселюсь всегда. Но мне как-то все равно странно было, если честно», – добавила в беседе другая респондентка, луговая марийка.

Агата С., руководитель молодежного отдела марийского землячества Москвы, в личной беседе подтвердила, что периодически поступают запросы от горномарийцев, проживающих в московском регионе, провести именно «свою» горномарийскую вечеринку: «И вот я сейчас понимаю, что, видимо, придется. Это ведь разные песни. Они не могут слушать наши песни, а горномарийский народ просто не может слушать луговые. Я как музыкант даже понимаю почему. Они абсолютно разные! Если взять луговую и горномарийскую, – это вот такая же разница как горномарийская песня отличается от чувашской. Или чувашская – от татарской. На таком уровне. То есть общего там ничего нет. И понятно, что люди не могут... просто вот генетический код несовместим!» (А. С., 27) (об особенностях песен луговых и горных мари см [3, с. 346]).

Однако, несмотря на несколько противоречивые отношения между данными субэтническими группами марийцев (подробнее об особенностях формирования двух субэтносов см [5] и о переломном этапе в их взаимоотношениях в период вхождения в состав Российского государства см [1]), представителей марийской диаспоры, как луговых, так и горных, объединяют в московском регионе прежде всего схожие внутренние переживания, которые возникают у них в отношении этнической песни, о чем мы говорили выше (см. 3.1).

3.4. Профессиональная сфера

Более того, в условиях поликультурного пространства Москвы этническая музыкальная культура служит для марийцев бесспорным творческим стимулом, причём в самых разных музыкальных направлениях.

Агата С., будучи в свое время студенткой Российской Академии музыки им. Гнесиных, выпускную дипломную работу посвятила исследованию марийской народной песенной культуры, в настоящем она является певицей, композитором, музыковедом, преподавателем, исполнителем авторских песен на горномарийском и русском языках.

Денис Ш., когда-то автор первого рэп-альбома на марийском языке, а ныне студент высших режиссерских курсов, свою дипломную работу (20-минутный игровой фильм) также намерен посвятить марийской тематике. На момент интервью, по его признанию, он подбирал саундтрек к будущему фильму и достаточно активно слушал и современные, и старинные марийские песни, потому что «никогда не знаешь, где найдешь». Более того, он задумывался и об исполнителях, которые бы «исполнили в этом саундтреке песни на марийском языке».

«Марийцы и сами здесь пишут музыку. У нас даже есть песня колыбельная на марийском языке. Мы ее в Москве записывали, ее уже здесь слушают. Моя дочь ее уже выучила. Хотя мы ее даже не учили специально, она просто ее запомнила! Она без мелодии, там просто голос. Щербаковой Нины. Она сама ее придумала, записала и сама ее исполнила», – отметил один из основателей проекта «Моско марий тувыра рудер» Алексей Р.

Особую роль играет этническая песня и в жизни тех респондентов, которые недостаточно активно владеют марийским языком. Один из опрошенных, в детстве принимавший активное участие в самодеятельных ансамблях на малой родине, именно в Москве, в большом городе, написал свою первую песню на марийском языке. «Ну, в основном с моей стороны это идея, музыка и аранжировка. Текст я обычно заказываю профессиональному поэту. У меня постоянные концерты, на Марий Эл радио песни крутятся, я бывал на радио, даже в прямом эфире разговаривал на марийском. И вот поэтому в процессе, когда начинаю эти песни петь, в процессе пения именно, концертов, гастролой у меня язык более-менее подучился» (Павел Ф., 29).

Неожиданно для себя самой стала исполнительницей песен на марийском и Юлия С.: «Буквально три года назад я начала петь. До этого не пела. Решила тоже запеть на марийском языке! Начала песни за-

писывать, начала в звукостудию ходить. Меня также пригласили – есть такой один раз в год в Марий Эл огромный-огромный концерт, и я ездила со своей песней, которую там также включают на Марий Эл радио. Хотя их и мало, песен пока, я пытаюсь дальше петь и записывать. Я мечтаю и дальше... Для меня это большое удовольствие!».

Профессиональные музыкальные работники, уроженцы Марий Эл, в настоящее время проживающие в московском регионе, в образовательном процессе порой используют и марийские мотивы. Кристина М. десять лет преподаёт вокал в детской образцовой студии в Москве, два года назад она познакомила своих воспитанников с этнической музыкальной культурой мари. «Это само собой так получилось. Они знали, что я другой национальности. Потому что бывает, что мама ко мне звонит, я разговариваю с мамой на марийском языке. Они стали спрашивать, на каком языке я разговариваю. Я им сказала, что я не русская, я марийка. И у меня есть родной язык, который мой родной считается. Ну, шли годы. А моя дочка тоже поет, она с этим коллективом ездит выступать на конкурсы, и я подумала, что будет достаточно хорошо и приятно, и интересно, если она будет петь песни на марийском языке. Тем более, она это уже делала, когда была маленькая там, в Йошкар-Оле. Я ей костюм приобрела. И она очень благополучно съездила в Болгарию, в лагере она отдыхала и пела, у нее в репертуаре были две марийские песни. Естественно, дети видели это и знали. И так вышло, что девочки все выросли и тоже сказали: «Может, мы тоже попробуем марийское спеть? Вроде так красиво звучит!». В общем, я им стала напевать все наши песни. А они глазки раскрыли, потому что совершенно другой язык, мелодичность другая. Я им раздала, они стали сольно петь эти песни» (К. М., 41).

Марийские песни, случается, используют в своей профессиональной педагогической деятельности и те респонденты в выборке, которые работают в дошкольных учреждениях в московском регионе. «Люблю марийские песни, иногда в детском саду, я с малышами в группе кратковременного пребывания работаю, иногда я им по-марийски пою там. Иногда чтобы внимание было, я там... может, быть две строчки пою на другом языке. Они смотрят на меня! Но я знаю, что там есть и мариечка, я знаю. С нашего района. С мамой мы очень хорошо знакомы. И такое вот бывает!» (Т. М., 51). Когда в 2019 году в дошкольных учреждениях было объявлено о проведении проекта «Народы России», Снежана А., воспитатель одного из детских садов, ни на секунду не сомневалась: «Зачем какой-то другой народ брать? У меня все есть: книги есть, костюмы есть! Зачем какой-то другой народ выбирать, когда все знаешь про свой народ! Дети здоровались на марийском, прощались и песню пели. Мы три куплета выучили. Ну, каждый день. А им нравилось, детям! Мы учили только в саду. Слова я не раздавала на дом. И вот одна родительница подходит ко мне с сыном и говорит: «Я не могу понять, что он нам поет?» (смеется). В общем, нормально отнеслись к этому. Каждый день в саду мы учили. Но они, как ни странно, очень

быстро выучили. Потом уже мне помогли смонтировать видео, отличное видео получилось! А когда у нас было методическое объединение для воспитателей нашего округа, это видео показали всем воспитателям!» (С. А., 38).

3.5. Семейно-бытовая сфера

Песни на марийском языке имеют место и в семейно-бытовой сфере. Представители старшего поколения марийской диаспоры заявили о том, что совершенно естественным образом приобщают внуков к этнической музыкальной культуре. Это происходит в том числе во время торжеств и праздников, когда в гости приходят земляки, во время застолья в руки берут гармошку, запевают песни и начинают танцы. «Дед у меня играет, а я пою и пляшу! Ну, мы пляшем, так дети и внуки – они подплясывают немного, им это интересно» (З. Е., 65).

Молодые родители в выборке активно используют этнические песни в быту скорее в развлекательных целях. «И даже вон детям иногда включаем песни марийские. Также и здесь в Москве. Для интереса! Что там малышам-то надо – потопать, по полу пятками постучать! Ну да... надо же, чтобы закладывался... как его... мотивчик в голове! Якорек!» (В. С., 41). «Песни – танцевальные, марийские вот эти частушки, которые можно танцевать. У меня дочка очень любит танцевать. На марийском танцуем. Устраиваем по выходным» (А. С., 29). «Ну, когда мы вместе собираемся, включаем музыку, любим смотреть клипы. Можем спеть. Дети у нас танцуют. Ну... нет, они слов не понимают. Они просто танцуют, им нравится мелодия» (Е. В., 33).

Действительно, едва ли приходится говорить о том, что марийцы второго поколения, проживающие в Москве, в полной мере овладеют этническим языком. Как показали предварительные результаты обследования, межпоколенная передача марийского в семье довольно слабая, однако именно на марийские песни (и разумеется, танцы) возлагают надежду некоторые респонденты в выборке. «Дома у нас тоже есть марийский. Мы включаем внучке марийские песни, марийские танцы, она танцует на марийском языке. Потом стараюсь я уже ей подбирать одежду на марийском языке. Ой, то есть национальную марийскую одежду. Уже и монисты – все есть! Уже дедушка сейчас прокалывает монисты ей. Она и танцует на марийском, но, правда, не говорит. Но вот я помню, когда моя дочка поехала в Башкирию в деревню марийскую, она выучила марийскую песню и стала понимать марийский язык! Вот если через песню как-то вот подключить, я думаю, что можно будет! Внучке пять лет, и она как-то впитывает это, ей нравятся марийские танцы, музыка нравится» (Г. И., 61).

Детям школьного возраста родители переводят содержание песни: «Когда мы с ней песни учили, я, конечно, рассказала, о чем она поет. По куплетам разобрали, о чем песня. А потом уже она повторяла, заучивала какие-то фразы» (В. К., 32). Детям дошкольного возраста, при условии активной вовлеченности взрослых, предоставляется освоение марийских песен путем

тотального погружения: «Сын очень в папу. Они вместе играют. Сын у меня включает марийские песни на Ютубе, берет гармошку, поет и танцует. Он не понимает слова, он повторяет на слух. Если песенку долго слушаете, то на слух уже начинаешь повторять. Вот тут – то же самое» (М. Ф., 30).

В ходе социолингвистического обследования автору статьи удалось также пообщаться с некоторыми представителями второго поколения марийской диаспоры, родившимися в московском регионе, их родители являются этническими марийцами. Несмотря на то, что доминирующим языком в семейно-бытовой сфере всегда был русский, в доме этих респондентов с детства звучали марийские песни. Один из них рассказал о том, что его отец играл на гармошке и в детстве ему доводилось слышать песни на марийском, когда в Москву приезжали земляки родителей. «Некоторые слова я понимал, некоторые нет. Раньше. А сейчас понимаю. Знаю, о чем поется. Ну это классика, понимаешь, мне нравятся марийские песни, само звучание, мотив. Мне нравятся голоса, которые исполняют эти песни. Песни печальные. Любовь к родине, то есть... но чаще всего это любовь и взаимоотношения. У меня плейлист состоит на треть из марийских песен» (А. К., 29). Желание узнать в том числе, о чем поется в песнях, знакомых ему с детства, заставило респондента самостоятельно взяться за изучение грамматики марийского языка. Другая респондентка, школьница двенадцати лет, заявила следующее: «В основном слушаю марийские песни. А петь – не пою, потому что сложные. Понимаю, но мало, потому что там быстро поют. Ну, я смысл обций понимаю, а вот до словно пересказать не могу. Ну вот песни, которые я слушаю, в основном – о марийской природе. О том, что она такая красивая. Иногда могу сама включить, иногда мама включает. Когда вот плохое настроение, слушаю веселые песни. Дроби танцевать умею. Мы когда в кругу семьи, у нас всегда марийские танцы танцуют. Даже здесь, когда собираемся с тетей и дядей, родители начинают эту дробь танцевать, и мы с моей двоюродной сестрой пытаемся повторить. У меня – да, получается. У сестры – нет!» (Анна, 12).

Итак, респонденты в выборке, являясь активными слушателями марийских песен, в домашней обстановке исподволь приобщают к этому и собственных детей. Опрошенные стремятся передать подрастающему поколению скорее умение «танцевать на марийском языке», но одновременно считают, что в процессе погружения в марийскую музыкальную культуру ребенок, возможно, усвоит и какие-то знания этнического языка.

4. Выводы

Таким образом, на основе изложенных выше результатов социолингвистического обследования в марийской диаспоре, можно сделать вывод о том, какое важное значение – в условиях проживания вдали от малой родины – имеет для респондентов песня на марийском.

Во-первых, песни на этническом языке крепко связаны в представлении респондентов с малой родиной, напоминают о доме, о родном крае, о родителях и род-

ственников, живущих там, и особенно – об ушедших из жизни родных или близких. «*Это для меня, во-первых, воспоминания. Родина, конечно. Мама у меня вообще певица была! Хотя не имела специального образования*» (А. Ч., 49).

Одни респонденты с переездом в московский регион не прерывают невидимую духовную связь с музыкальной культурой мари; другие, по их признанию, обретают ее лишь спустя годы. «*Я раньше вообще их не слушал, я такой меломан в свое время был – диск-жокей у себя в школе. Для меня Битлы, «Pink Floyd», «ABBA» – я был весь такой западник, весь такой музыкальный... Уже после того, как институт закончил и уже возвращался домой, мне вот хотелось услышать марийские песни. У нас девчонки-одноклассницы были, они пели просто изумительно, и я вот всегда просил их спеть. И потом я уже втянулся и сам уже петь стал! И до сих пор пою! Так что на данный момент пою только на марийском» (Г. Д., 56). «*Могу сказать, что песни на марийском теперь заняли свою нишу*» (А. Б., 47).*

Во-вторых, велико значение этнической культуры марийцев и в их повседневной жизни в настоящем. Песня на марийском, как правило, помогает адаптироваться в новых условиях. «*Конечно, когда сюда приехал, захотел слушать. Ну через некоторое время захотелось, потому что все равно ностальгия какая-то. Не то что ностальгия какая-то... Когда привыкаешь к одному месту и к одному быту и потом, когда резко меняешь это – это не очень хорошо. Начинаешь тосковать, а потом это как всегда: время проходит. И сейчас уже все устаканивается, сейчас уже все нормально становится. Сейчас уже нет такого, что думаешь в тоске» (А. М., 44). «*Уже вот... скука как-то ушла по родине, я уже пережила этот момент. Пятилетку. И все – я привыкла к Балашихе своей, где я живу! А первая пятилетка как раз это было! Учтывая, что я в ансамбль ходила, я знала кучу песен на луговом, наизусть. На горном. Танцы. И вот постоянно, постоянно я слушала. Со слезами, – да, конечно. Послушаешь, и приходит осознание того, что я горномарийский человек, и пытаюсь сохранять свою идентичность» (И. К., 30). «*Я больше успокаиваюсь, наверное, если я скучаю по своей республике, по своим родным. Послушала песню – и я успокоилась. Я понимаю, что будет время – и мы поедем. Таким вот образом» (Л. К., 27).***

В настоящем песня на марийском поднимает настроение, окрыляет, заставляет идти вперед и не терять надежды. «*Марийский, получается, когда скучаешь, ну вот что-то такое, какие-то нотки проявляются у тебя. И это дает определенный заряд, лично мне, определенные силы, и ты дальше готов покорять город» (Е. Т., 30). «*Они вдохновляют на подвиги. Много песен для вдохновения. В основном касающиеся единения народа и имеющие в своей текстровке слова с юмором, юморные» (А. В., 29).**

В-третьих, этнические песни позволяют представителям диаспоры поддерживать связь не только с музыкальной культурой мари, но и с этническим языком. «*О чем-то своем, что так вот захочется по-марийски поговорить, песни попеть. Такое, конечно, быва-*

ет» (Н. Б., 58). По свидетельству ряда респондентов, благодаря песенной культуре, активной вовлеченности в музыкальную жизнь, они значительно повысили уровень владения этническим языком. Более того, подчас песня служит своеобразной инициацией в марийский язык и для представителей второго поколения диаспоры.

В-четвертых, диаспора является наиболее востребованной формой социальной адаптации в условиях проживания в московском регионе. Московские марийцы принимают активное участие в различных культурных и музыкальных мероприятиях, которые проводятся не только в рамках землячества, но и по частной инициативе молодых активистов, что, безусловно, способствует их сплоченности (в некоторых случаях и по субэтническому признаку) и привлечению в эти ряды новых членов диаспоры.

В-пятых, значительной представляется роль этнической музыкальной культуры в отношении будущего. «*Есть место для песни на марийском. Песни эти – которые в деревнях у нас, песни, которые поют мои тетки постоянно и пел хотя бы мой прадедушка. У меня лежат тексты, которые я время от времени начинаю учить. И моя большая мечта – все мои тетки знают песни на марийском языке, и когда мы собираемся, они все очень хорошо поют. И я хочу эти песни выучить, чтобы они у меня остались... как бы чтобы я сохраняла эти песни. Я хочу участвовать именно в этих песнях на марийском языке. И потом уже, без них, смогу потом, конечно, петь» (О. С. 50).*

Связь, которую представители марийской диаспоры поддерживают с этнической песней как самостоятельно, так и коллективно, не позволяет им полностью ассимилироваться в поликультурном пространстве мегаполиса и способствует сохранению этнической и культурной идентичности.

Примечания

¹⁾ С 1965 года статус государственного праздника получил марийский праздник Пеледыш Пайрем («Праздник цветов»), отмечаемый после окончания весенне-полевых работ. Проводится он во всех регионах проживания марийцев и проходит очень весело и шумно, в сопровождении музыки, песен и плясок [3, с. 341–342]

²⁾ В период зимних Святков (Шорыкйол), совпадавший с Рождеством, исполнялись традиционные песни о ряженых. Последние во главе с Васлий кува-кугыза (старуха и старик Василий) рассказывали иногда в форме песен хозяевам об их будущей судьбе, об ожидающемся урожае, приплоде скота и пр. [3, с. 342].

³⁾ В народной культуре большое распространение лирическая песня получила в молодежной среде, в частности на молодежных посиделках – шинчын коштамаш, или кас, где исполнялись особые посиделочные песни часто любовно-лирического и шуточного содержания; устраивавшиеся здесь различные игры и танцы также проходили в сопровождении музыки и песен. Летними вечерами во время молодежных гуляний по улицам деревни звучали прогулочные песни и частушки, часто с гармошечным сопровождением [3, с. 344].

Список литературы

1. Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. – Йошкар-Ола, 1998. – 192 с.
2. Калинина О.А. Праздники в современном быту городских марийцев // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2011. – С. 158–163
3. Марийцы: ист.-этногр. очерки. – 2-е изд., доп. – Йошкар-Ола, 2013. – 482 с.
4. Моско марий тӱвыра рӱдер [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/moskomariytuvyraruder> (дата обращения: 15.05.2020).
5. Сануков К. Марийцы: прошлое, настоящее, будущее // Марийский мир. Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. – Йошкар-Ола, 2000. – С. 12–61.

References

1. Bakhtin, A. G. (1998). XV-XVI veka v istorii Mariyskogo kraja [The 15th16th centuries in the History of Mari Region], 192. Ioshkar-Ola.
2. Kalinina, O. A. (2011). Prazdniki v sovremennom bytu gorodskikh mariitsev. Razvitie gumanitarnykh issledovaniy v Respublike Marii El, 158-163. Ioshkar-Ola.
3. (2013). Mariitsy., 482. Ioshkar-Ola.
4. Mosko marij tӱvyra rӱder. Retrieved from <https://vk.com/moskomariytuvyraruder>
5. Sanukov, K. (2000). Mariitsy: proshloe, nastoiashchee, budushchee [Mariitsy: Past, Present, Future]. Mariiskii mir. Problemy natsional'nogo, sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiia mariiskogo naroda, 12-61. Ioshkar-Ola.

Информация об авторе

Куцаева Марина Васильевна – канд. филол. наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Marina V. Kutsaeva – candidate of philological sciences, research fellow, FPFIS "Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation.

Сохранение и развитие национальных языков и культур коренных народов России как необходимое условие создания благоприятной билингвальной образовательной среды на территории РФ

DOI 10.31483/r-75052
УДК [81'246.2:39](470)

Легостаева О.В.

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»,
Орел, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-5436-2168>, e-mail: fremdsprachenluxx@mail.ru

Резюме: В статье освещается значимость культурных, образовательных мероприятий для развития билингвальной среды; приводятся дефиниции терминов «билингвизм», «билингвальная образовательная среда», «коренные / малочисленные народы». *Актуальность* изучения данного вопроса заключается в изменении подходов с 2017 года в преподавании национальных языков в билингвальных и мультилингвальных регионах страны, в изменении количества часов в преподавании на родных (национальных) языках в общеобразовательной школе, в учете национально-регионального компонента в системе образования многонационального государства.

Предметом исследования являются быстроисчезающие этносы и их языки согласно классификации языков ЮНЕСКО. В статье подчеркивается важность сохранения и продвижения национальных языков и культур для налаживания межкультурного диалога и мирного сосуществования этносов в условиях многонационального государства. *Цель статьи* – обозначить и привлечь внимание к проблеме исчезновения национальных языков и культур через комплекс мероприятий в сфере культуры, науки, образования.

Методы исследования: изучение литературы по теме исследования, анализ образовательных программ и учебных планов, метод сравнительного анализа для описания статуса языков.

Результаты. В исследовании мы пришли к выводу о том, что наличие двуязычных учебников и учебных пособий с заданиями, построенными на национально-русском двуязычии, организация разного рода билингвальных мероприятий и их популяризация в СМИ позволит сохранить жизнеспособный уровень национальных языков и культур коренных народов на территории РФ.

Ключевые слова: билингвальная образовательная среда, этнос, национальный язык, национальная культура, национально-культурный компонент, вымирающие языки, межкультурная коммуникация.

Для цитирования: Легостаева О.В. Сохранение и развитие национальных языков и культур коренных народов России как необходимое условие создания благоприятной билингвальной образовательной среды на территории РФ // *Этническая культура*. – 2020. – № 3 (4). – С. 19-23. DOI:10.31483/r-75052.

Preservation and Development of National Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of Russia as a Necessary Condition for Creating a Favorable Bilingual Educational Environment on the Territory of the Russian Federation

Oksana V. Legostaeva

FSBEI of HE "Orel State University named after I.S. Turgenev",
Orel, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-5436-2168>, e-mail: fremdsprachenluxx@mail.ru

Abstract: The article covers significance of cultural and educational events for development of the bilingual environment; gives definitions of the terms "bilingualism", "bilingual educational environment" and "indigenous / small peoples". The *relevance* of studying this issue is in changing approaches from 2017 in teaching national languages in bilingual and multilingual regions of the country, in changing the number of hours in teaching in native (national) languages in a secondary school, in taking into account the national-regional component in the education system of a multinational state.

The subject of the research is rapidly disappearing ethnic groups and their languages according to the classification of languages of UNESCO. The article emphasizes the importance of preserving and promoting national languages and cultures for establishing intercultural dialogue and peaceful coexistence of ethnic groups in a multinational state. The *purpose of the article* is to identify and draw attention to the problem of disappearance of national languages and cultures through a set of measures in the field of culture, science, education.

Research methods: study of literature on the research topic, analysis of educational programs and curricula, a comparative analysis method for describing the status of the languages.

Results. In the study, we came to the conclusion that the availability of bilingual textbooks and teaching aids with assignments built on national-Russian bilingualism, the organization of various kinds of bilingual events and their popularization in the media will help to maintain a viable level of national languages and cultures of indigenous peoples in the Russian Federation.

Keywords: bilingual educational environment, ethnos, national language, national culture, national-regional component, endangered languages, cross-cultural communication.

For citation: Legostaeva O.V. (2020). Preservation and Development of National Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of Russia as a Necessary Condition for Creating a Favorable Bilingual Educational Environment on the Territory of the Russian Federation. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 19-23. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75052.

*Посвящается
светлой памяти моего дорогого отца
Вячеслава Федоровича Жильцова*

Введение

Развитие национальных языков и культур является необходимым условием для налаживания межкультурного диалога и мирного сосуществования этносов в условиях нашего многонационального государства. Эта задача является актуальной, поскольку страна на современном этапе столкнулась с глубинными демографическими проблемами, грозящими исчезновением малых народностей России, их языков и культур. Для сохранения языкового и культурного многообразия необходима продуманная сбалансированная политика, которая предоставит возможность развивать национальные языки коренных (малых) народов России в системе дошкольного и школьного образования, а также позволит продвигать культуру этносов через многочисленные культурные и научные мероприятия (фестивали, форумы, смотры, мастер-классы, конференции, семинары).

В нашей стране данной проблеме уделяется особое внимание. В стране действует национальная программа по культуре, которая продлится до 2024 года.

2020-ый год объявлен в России Годом народного творчества. С данной инициативой выступила директор Дома народного творчества из Ханты-Мансийска Е.Е. Исламуратова. Автор подчеркнула, что «в наше время фольклорный материал почти не используется, а ведь это чревато потерей народной самоидентификации» [10]. Ее идею поддержал президент России В.В. Путин. Это означает, что данная проблема будет решаться на самом высоком уровне. Одним из ее решений является создание и активное развитие региональных кластеров как культурных формаций, которые позволят объединить вокруг себя людей, желающих поучаствовать в возрождении культуры России. Кроме того, появление кластеров является мощным импульсом к развитию отечественной экономики из-за привлечения большого количества туристов. Программа затронет не только большие города (Кемерово, Владивосток, Севастополь, Калининград), но и малые города, села, поселки и деревни. В приоритетных планах культурной программы этого Года стоит «возвращение к практике сельских клубов и всевозможная поддержка этих очагов культуры, которые были сохранены. Кроме этого, особое внимание будет уделено сохранению и развитию культурного наследия малых и исчезающих народов и народностей России» [2].

Россия является многонациональным (полиэтническим) государством. На ее территории проживает более 190 народов. Понятие «коренные народы» вошло в отечественную антропологию из правового дискурса. «Коренные малочисленные народы (малочисленные народы, автохтонные народы) – понятие, используемое в российском законодательстве для обозначения коренных народов, под которыми понимаются «особые группы населения, проживающие на территории традиционного расселения их предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы» [4].

С 18 июля по 1 августа в Уфе в шестой раз пройдет Всемирная Фольклориада, в которой примут участие коллективы более чем из 85 государств. Мероприятие проходит раз в четыре года и призвано в актуальной современной форме показывать все многообразие традиционного культурного наследия человечества, способствовать его сохранению. «Фольклориада – своеобразная Олимпиада фольклорного творчества, где все основано на взаимном уважении, гармонии и общении между народами мира» [8]. Культурная программа Фольклориады включает конференции, концерты, парады, мастер-классы, выставки, ярмарки, этно-день и многое другое. Республика Башкортостан обещает стать международной этнической площадкой, поделенной на десять зон, сердце которой будет биться в Уфе, в этнопарке «Ватан». Жителям и гостям города можно будет увидеть яркие выступления танцевальных коллективов, услышать народные песни на национальных языках, исполненных под этническую музыку, поучаствовать в мастер-классах народных промыслов и творчества народов мира. Любопытен тот факт, что мировой культурный форум – это уникальная возможность для нашей страны представить все свое культурное многообразие, начиная от народов Крайнего Севера, заканчивая жителями горного Кавказа [Там же]. Возвращение к своим корням, сохранение традиций и обычаев крайне важно в современную эпоху глобализации и вестернизации всех сфер жизни общества. Подобное мероприятие способствует возрождению этнической памяти, а также продвижению национальных языков и культур.

Методы исследования: изучение литературы по теме исследования, анализ образовательных программ и учебных планов, метод сравнительного анализа для описания статуса языков по классификации ЮНЕСКО.

По переписям 2002, 2010 годов численность некоторых народов России катастрофически уменьшается. К быстроисчезающим этносам относятся: астраханские татары, лугово-восточные марийцы, греки-урумы, юги, мордва-мокша, багулалы, арчинцы, удмурты, чуваша, горские евреи. Например, астраханских татар и югов на территории нашей страны осталось по несколько человек. «Численность лугово-восточных марийцев и мордвы-мокши сократилась на порядок с 56119 человек до 218 человек; с 49600 до 4767 человек соответственно. Это объясняется сменой самосознания, так как идет процесс поглощения мелких народов более крупными этносами: лугово-восточные марийцы вливаются в марийский этнос, мокшане в состав мордвы и т. д.» [7]. Такое явление уже произошло с этносами, которые совсем недавно исчезли с территории нашего государства (камасинцы, кереки, тептяри, камчатские айну).

Ассирийцы, даргинцы, лакцы, хемшилы, челканцы, шапсуги активно возрождают национальные языки. Обучение детей в системе дошкольного и школьного образования идет на родном и на русском языках. Созданы билингвальные учебники с типологией двуязычных заданий и тестов для более эффективного усвоения материала. Таким образом, в нашей стране можно

говорить о национально-русском двуязычии (марийско-русском, чувашско-русском, эрзянско-русском, мокшанско-русском и т. д.) как об основном типе билингвизма. Билингвизм – способность владения двумя языками. «Под билингвальной образовательной средой мы понимаем социальные, экономические, политические, культурные, лингвистические, психологические условия, комфортные для овладения двумя языками.

Специфика обучения в такой билингвальной среде обусловлена ограниченностью использования первого (нерусского) языка в бытовой и культурной сферах, в то время как второй (русский) язык активно используется в научной, официально-деловой и других сферах общения» [5]. Общение в бытовой и культурной сферах происходит на родном языке с целью «оживления» языка. Разговорная речь, а также знание песен, былин, пословиц, поговорок, творчества национальных поэтов и писателей помогает не только сохранить, но и сделать язык живым, действующим. Русский является языком-посредником, общим для всех граждан многоязычной страны, языком межнационального общения.

Обсуждение

В условиях билингвальной и мультилингвальной образовательных сред необходимо активно внедрять национально-региональный компонент как неотъемлемую часть системы образования многонационального государства. Вопрос региональной политики, региональных особенностей, отличий и вклада каждого региона в национальную культуру обуславливает важность приобретения знаний обучающимися о своем регионе.

Как ни парадоксально это звучит, один из способов сохранения национального многообразия – это более полный и адекватный перевод национальных авторов на русский язык. С этой целью Роспечатью в 2015 году была инициирована Программа поддержки национальных литератур народов России. «Первой в рамках этой Программы была опубликована антология «Современная литература народов России: Поэзия». Любопытно, что за всю историю переводов с национальных языков все произведения были представлены в двуязычном варианте, всего же в книге нашли отражение 57 национальных литератур. Еще одно достижение составителей этого издания заключается в том, что были разработаны три официальных шрифта, включающие все виды начертаний и диакритических знаков, которые поддерживают все национальные языки» [1].

До 2017 года национальные языки наряду с русским языком входили в обязательную школьную программу. С 2017 года изучение родного языка стало необязательным. Теперь родной язык можно изучать по желанию. Для этого необходимо написать заявление от родителей. Однако, в настоящее время родители, в семьях которых первым языком является нерусский, все чаще выбирают для своих детей русский язык. Родители хотят, чтобы дети успешно сдали ЕГЭ по предмету «Русский язык», получили высокие баллы и поступили в высшие учебные заведения. Следовательно, количество человек, хорошо знающих и разговарива-

ющих на национальных языках среди молодого поколения неуклонно сокращается, вот почему необходимо пристальное внимание к проблеме обучения родным языкам в билингвальных и мультилингвальных субъектах РФ.

Тем не менее, на территории нашей страны есть регионы, где успешно реализуются программы по билингвальному образованию. Для иллюстрации данной ситуации приведем выдержки из Рабочей учебной программы по родному (татарскому) языку для начальных классов на 2019–2024 учебный год МБОУ СОШ (село Кальтаево, Республика Башкортостан). РП составлена на основе примерной образовательной программы к учебным пособиям «Алифба» и «Татарский язык» для 1–4 классов общеобразовательных организаций РБ, Л.Ш. Гайнетдинова, Ф.А. Гафурова, Уфа, 2018 г. «Предмет «Родной (татарский) язык» рассчитан на 405 ч. В 1-м классе на изучение отводится 66 ч. (2 ч. в неделю, 33 учебные недели), во 2,3-м классах по 70 ч. (2 ч. в неделю, 35 учебных недель в каждом классе), в 4-м классе 35 ч. (1 час в неделю, 35 учебных недель)» [6]. Одной из главных целей дисциплины является «формирование коммуникативной компетенции обучающихся: развитие устной и письменной речи, монологической и диалогической речи, а также навыков грамотного, безошибочного письма как показателя общей культуры слов». «Обучение татарскому языку учащихся направлено на решение следующих задач:

1. Формирование и повышение уровня мотивации: владение этнически родным языком, воспитание любви и уважения к татарскому языку и культуре в диалоге с русской культурой, культурой других народов РФ.

2. Формирование лингвистической компетенции: овладение первоначальными знаниями, умениями и навыками по фонетике, лексикологии, словообразованию, грамматике; формирование навыков по орфоэпии, орфографии и пунктуации.

3. Выработка навыков коммуникативной компетенции: владение умениями аудирования, говорения (диалога и монолога), чтения и письма.

4. Формирование и развитие этнокультуроведческой компетенции в рамках диалога культур» [Там же].

Цели и задачи приведенной РП дают нам возможность утверждать, что именно в младшей школе закладывается фундамент толерантного и уважительного отношения учащихся к другим языкам и культурам, происходит формирование основных компетенций при обучении языкам и глубокого неподдельного интереса учащихся к постижению нового. Билингвальное образование и билингвальная образовательная среда призваны вывести процесс языкового обучения на качественно новый уровень, на котором акцент сделан не только на хорошем владении национальным языком, но и на знании и применении правил межкультурной коммуникации.

Вопрос эффективного билингвального образования в нашей стране стоит чрезвычайно остро, поскольку некоторые языки находятся на грани исчезновения. В 2010 году ЮНЕСКО присвоило Чувашскому языку статус уязвимого языка. Согласно классификации

ЮНЕСКО, приведенной в «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», уязвимым считается язык, «на котором разговаривает большинство детей, но его использование может быть ограниченным (например, на языке говорят только дома)» [11]. Основным показателем, по которому языки делятся на те или иные виды, является «уровень его жизнеспособности». Данная характеристика ставится во главу угла для определения стадий «отмирания» языка. Например, стадия языка, когда «есть угроза исчезновения – язык не изучается детьми как родной»; стадия «серьезной угрозы – язык используется старшим поколением; понятен поколению родителей, но не используется при общении с детьми и между собой»; «на грани вымирания – самые младшие носители – старики, язык используется ими частично и редко»; «вымерший язык – нет живых носителей языка (в атлас ЮНЕСКО внесены вымершие только с 1950-х годов, например, мэнский, убыхский, эякский)» [Там же]. «К числу вымирающих ЮНЕСКО относит языки народов Северного Кавказа: адыгейский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ингушский, чеченский, абхазский, осетинский и некоторые другие языки. В Дагестане, по данным атласа, насчитывается более 25 языков, которым грозит исчезновение» [3].

Несмотря на явные демографические и лингвистические проблемы, в нашей стране проживают народы, чья численность, согласно вышеупомянутым переписям, неизменно растет. К таким народам относятся уз-

беки, аварцы, кумыки, таджики, даргинцы, киргизы, чеченцы, лезгины, армяне, якуты [9]. Такой прирост объясняется, с одной стороны, процессами миграции, а с другой стороны, устойчивыми традициями многодетности, уважения к старшим и бережного отношения к своему языку.

Результаты исследования

В нашем исследовании мы пришли к выводу о том, что создание билингвальных школ, подготовка высококвалифицированных учителей-билингвов, наличие хорошо продуманных рабочих программ по преподаванию родных языков и литератур, двуязычных учебников, учебно-методических пособий, организация и проведение билингвальных культурных, образовательных, научных мероприятий и их популяризация в СМИ станет своевременным решением проблемы «отмирания» национальных языков народов России и позволит внести существенный вклад в продвижение билингвальной образовательной среды и в развитие системы билингвального образования в нашей стране. В таких регионах как Якутия, Татарстан, Башкортостан успешно реализуются программы по билингвальному образованию. Необходимо распространить этот положительный опыт на другие субъекты страны посредством научных конференций и круглых столов, фестивалей искусств и культур, академического и культурного обмена.

Список литературы

1. В России возрождают национальные литературы через русский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russkiymir.ru/publications/262093/> (дата обращения: 20.02.20).
2. 2020 год объявлен годом чего в России и чему посвящён по указу президента. Год народного творчества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kopilpremudrosti.ru/2020-god-chego-v-rossii.html> (дата обращения: 13.02.20).
3. ЮНЕСКО признала языки народов Северного Кавказа исчезающими [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/150042/> (дата обращения: 12.02.20).
4. Коренные малочисленные народы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коренные_малочисленные_народы (дата обращения: 21.02.20).
5. Легостаева О.В. Билингвальная среда в отечественной системе образования [Текст] / О.В. Легостаева // Тенденции развития образования: педагог, образовательная среда, общество – 2018: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20–23 авг. 2018 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – С. 191–193.
6. Программы по родному (татарскому) языку и литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/rodnoy-yazyk-i-literatura/library/2020/01/19/programmy-po-rodnomu-tatarskomu-yazyku-i> (дата обращения: 17.09.20).
7. Самые быстроисчезающие народы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/durowka/samye-bystroischezajuscie-narody-rossii-5dc79623b18b3938187fbd9f> (дата обращения: 20.02.20).
8. Фольклориада 2020 в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://folkloriada2020.com/novosti/> (дата обращения 13.02.20).
9. Численность каких народов в России увеличивается быстрее всего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/durowka/chislennost-kakih-narodov-v-rossii-uvlichivaetsia-bystree-vsego-5dc8d6ff8ddf2d1f5dfbd813> (дата обращения 20.02.20).
10. 2020 год объявлен в России Годом народного творчества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pronedra.ru/2020-god-v-rossii-obyavlen-godom-tvorchestva-403362.html> (дата обращения: 13.02.20).
11. 25 языков, находящихся под угрозой исчезновения, которые необходимо прослушать, прежде чем они исчезнут [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienctoday.ru/more/topic/25-yazykov-nakhodyashchikhsyapod-ugrozoy-ischeznoeniya-kotorye-neobkhodimo-proslushat-prezhde-chem-oni-ischeznut> (дата обращения: 12.02.20).

References

1. V Rossii vozrozhdaut natsional'nye literatury cherez russkii iazyk. Retrieved from <https://russkiymir.ru/publications/262093/>

2. 2020 god obnavlen godom chego v Rossii i chemu posviashchion po ukazu prezidenta. God narodnogo tvorchestva. Retrieved from <https://kopilpremudrosti.ru/2020-god-cheho-v-rossii.html>
3. UNESCO priznala iazyki narodov Severnogo Kavkaza ischezaiushchimi. Retrieved from <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/150042/>
4. Korennye malochislennye narody. Retrieved from https://ru.wikipedia.org/wiki/Korennye_malochislennye_narody
5. Legostaeva, O. V. (2018). Bilingval'naiia sreda v otechestvennoi sisteme obrazovaniia. Tendentsii razvitiia obrazovaniia: pedagog, obrazovatel'naia sreda, obshchestvo - 2018, 191-193. Cheboksary: ID "Sreda".
6. Programmy po rodnomu (tatarskomu) iazyku i literature. Retrieved from <https://nsportal.ru/shkola/rodnoy-yazyk-i-literatura/library/2020/01/19/programmy-po-rodnomu-tatarskomu-yazyku-i>
7. Same bystroischezaiushchie narody Rossii. Retrieved from <https://zen.yandex.ru/media/durowka/samyebystroischezaiushchie-narody-rossii-5dc79623b18b3938187fbd9f>
8. Fol'kloriada 2020 v Rossiiskoi Federatsii. Retrieved from <https://folkloriada2020.com/novosti/>
9. Chislennost' kakikh narodov v Rossii uvelichivaetsia bystree vsego. Retrieved from <https://zen.yandex.ru/media/durowka/chislennost-kakih-narodov-v-rossii-uvelichivaetsia-bystree-vsego-5dc8d6ff8ddf2d1f5dfbd813>
10. 2020 god obnavlen v Rossii Godom narodnogo tvorchestva. Retrieved from <https://pronedra.ru/2020-god-v-rossii-obnavlen-godom-tvorchestva-403362.html>
11. 25 yazykov, nakhodiashchikhsia pod ugrozoi ischeznoveniia, kotorye neobkhodimo proslushat', prezhde chem oni ischeznut. Retrieved from <https://sciencetoday.ru/more/topic/25-yazykov-nakhodyashchikhsya-pod-ugrozoi-ischeznoveniia-kotorye-neobkhodimo-proslushat-prezhde-chem-oni-ischeznut>

Информация об авторе

Легостаева Оксана Вячеславовна – канд. пед. наук, магистр, доцент ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», Орел, Российская Федерация.

Information about the author

Oksana V. Legostaeva – candidate of pedagogical sciences, master, associate professor of FSBEI of HE "Orel State University named after I.S. Turgenev", Orel, Russian Federation.

К вопросу об аксиологических аспектах феномена куклы в условиях смены культурных парадигм

DOI 10.31483/r-75786

УДК 7.04

Суворова М.К.^а, Адамецкая Т.Н.^б, Рашитова С.Ф.^сФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»,
Нижевартовск, Российская Федерация.^а <https://orcid.org/0000-0003-3828-8997>^б <https://orcid.org/0000-0002-7344-3430>, e-mail: adametskaytn@mail.ru^с <https://orcid.org/0000-0002-0251-6145>

Резюме: В статье осуществлен анализ феномена куклы в процессе перехода от традиционного типа общества – к постиндустриальному. Авторы подчеркивают, что, являясь своего рода зеркалом эпохи, феномен куклы неразрывно связан с культурными нормами и ценностями, всем социальным опытом, обусловившим устойчивость и преемственность различных видов деятельности. Также отмечается, что в процессе исторического развития образ куклы претерпевает трансформации, как и образ самого человека. Включение авторами аксиологических характеристик феномена куклы в мировоззренческие координаты космо- и антропоцентризма позволяет выявить их новое качество. Рассмотрение куклы как феномена с этой методологической позиции открывает новые возможности в понимании экзистенциальной сущности самого человека.

Цель данной статьи – осуществить анализ одного из наиболее актуальных в современных условиях аспектов феномена куклы – качественного изменения его аксиологического содержания и значимости в культуре.

Методы исследования: историко-сравнительный и семиотический.

Результатом исследования становится выявление существенных изменений роли куклы в современной культуре. Подчеркивается, что ценностные установки секулярного общества и десакрализованного, материалистического мировоззрения имеют следствием дегуманизацию и объективацию самого человека при выраженном стремлении к оживлению и гуманизации куклы. Развитие антропоцентрических установок достигло своих пределов, о чем свидетельствует смещение семантики куклы в область чисто формальных, внешних отношений и смыслов.

Ключевые слова: аксиология, феномен куклы, традиционное общество, массовая культура, постиндустриальное общество.

Для цитирования: Суворова М.К. К вопросу об аксиологических аспектах феномена куклы в условиях смены культурных парадигм / М.К. Суворова, Т.Н. Адамецкая, С.Ф. Рашитова // *Этническая культура*. – 2020. – № 3 (4). – С. 24-26. DOI:10.31483/r-75786.

Revisiting Axiological Aspects of the Doll Phenomenon Under the Conditions of Cultural Paradigm Change

Maria K. Suvorova^а, Tatyana N. Adametskaya^б, Svetlana F. Rashitova^с
FSBEI of HE "Nizhnevartovsk State University",
Nizhnevartovsk, Russian Federation.^а <https://orcid.org/0000-0003-3828-8997>^б <https://orcid.org/0000-0002-7344-3430>, e-mail: adametskaytn@mail.ru^с <https://orcid.org/0000-0002-0251-6145>

Abstract: This article analyzes the phenomenon of dolls in the process of transition from the traditional type of society to the postindustrial one. The authors outline that being a kind of mirror of the era, the doll phenomenon is inextricably linked with cultural norms and values, all social experience, which determined the stability and continuity of various activities. It is also noted that in the process of historical development, the image of the doll undergoes transformation, as does the image of the person himself. The inclusion by the authors the axiological characteristics of the doll phenomenon in the worldview coordinates of cosmo- and anthropocentrism makes it possible to reveal their new quality. The consideration of the doll as a phenomenon from this methodological position opens up new possibilities in understanding the existential essence of man himself.

The *purpose* of the article is to analyze one of the most relevant aspects of the doll phenomenon in modern conditions – a qualitative change in its axiological content and significance in culture.

Research methods: historical-comparative and semiotic.

The result of the study is the identification of significant changes in the role of dolls in modern culture. It is emphasized that the value orientations of secular society and a desecralized, materialistic worldview result in dehumanization and objectification of the person himself with a pronounced desire to revitalize and humanize the doll. The development of anthropocentric attitudes has reached its limits, as evidenced by the shift in the semantics of dolls into the field of purely formal, external relations and meanings.

Keywords: axiology, the doll phenomenon, traditional society, mass culture, postindustrial society.

For citation: Suvorova M.K., Adametskaya T.N., & Rashitova S.F. (2020). Revisiting Axiological Aspects of the Doll Phenomenon Under the Conditions of Cultural Paradigm Change. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 24-26. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75786.

Введение

Кукла сопровождает человека, начиная с самых ранних периодов его исторического развития. Обнаруженные археологами изделия мелкой пластики, которые могут быть интерпретированы как куклы, относятся к первобытной эпохе. В древнейших мифологических

системах процесс антропогенеза осуществляется богато подобно тому, как гончар создает куклу-игрушку. В клинописных текстах Древнего Шумера сохранился миф о том, как Энки и Нинмах лепили из глины людей. Различные аспекты феномена куклы привлекают внимание древнегреческих философов Платона и

Аристотеля. В европейской культуре Нового времени художники, поэты и писатели обращаются к проблеме соотношения материального и духовного начала в человеке, живого и неживого, поднимают вопросы креационистского потенциала человека, его богоборческих амбиций, пределов возможностей, моральной ответственности за содеянное именно через образ двойника человека, его модели, куклы. Сегодня феномен куклы, различные аспекты его проявлений, являются предметом исследования психологов и педагогов, этнографов, культурологов, философов.

Цель данной статьи: осуществить анализ одного из наиболее актуальных в современных условиях аспектов феномена куклы – качественного изменения его аксиологического содержания и значимости в культуре.

Методы исследования: историко-сравнительный и семиотический.

На протяжении всей истории человечества мы наблюдаем как представления о человеке и его месте в мире находят отражение в образе куклы, ее функциях. Зачастую кукла прямо выступала в качестве зеркального двойника человека. Соответственно, в процессе эволюции, образ куклы претерпевает трансформации (как и образ самого человека), она «меняет лица», реализуя актуальные ценностные установки. Рассмотрение куклы как феномена с этой методологической позиции открывает новые возможности в понимании экзистенциальной сущности самого человека.

Являясь своего рода зеркалом эпохи, феномен куклы неразрывно связан с культурными нормами и ценностями, всем социальным опытом, обусловившим устойчивость и преемственность традиций. Такая, на первый взгляд обычная вещь профанного мира как кукла, обладает гораздо более значительными средствами воздействия на человека и общество, чем может показаться на первый взгляд. Несмотря на многовековую историю куклы, не только в обывательской среде, но и в широких научных кругах бытует довольно ограниченное понимание куклы как игрушки, забавы для детей. Да, действительно, кукла имеет особый ряд задач, реализуемый именно в детской игровой деятельности, однако, ее функции этим не ограничиваются. Подобный узкий взгляд является выражением ценностей современного секулярного общества и десакрализованного, материалистического мировоззрения, и, конечно, требует пересмотра.

Истоки куклы как самостоятельного явления искусства и культуры необходимо искать в ритуально-обрядовых практиках и мифологии ранних цивилизаций. Уже тогда кукла обретает свойства образа-символа, сакрализуется, превращается в идола – становится воплощением божественного, перенимает жертвенный лик, является вместилищем душ или концентрирует в себе основные функции, направленные на преумножение рода и его защиту. Анимистические, тотемистические, фетишистские верования, являющиеся ценностными основаниями обществ традиционного уклада, обусловили регламентацию отношений человека и внешнего мира. Магическое мироощущение определило формирование особого порядка взаимодействия в системе «человек – вещь» и понимание куклы не только как объекта, но и субъекта действия. Причем, субъекта не условного, сгенерированного изменчивыми обстоя-

тельствами игры и ролями, а реального, действующего вне пределов воления человека.

Кукла в изначальном своем понимании является своеобразной моделью мира, как сам человек выступает в качестве его органической части, и, одновременно, микрокосма. В космоцентрической системе ценностей основной целью куклы-идола было сохранение миропорядка, системы социальной иерархии, защита и приумножение родовой общности в самых различных проявлениях. Поэтому куклы чаще всего выступали в женской ипостаси, поэтому акцент чаще всего делался на таких символических значениях как плодородие, сохранность рода [2, с. 17]. Отсюда одна из основных сакральных функций куклы – обережная – сохранение уже созданного. На этом же основывается ритуальная минимизация «двойничества» отношений «человек – кукла», выраженная в отсутствии лица или замещении его орнаментальным знаком (например, солярным символом). Магические представления подразумевали, что кукла, максимально приближенная к облику живого человека, может стать вместилищем недоброго духа или обзавестись собственным сознанием, навредив человеку.

Как утверждал древнегреческий философ Аристотель: «Человек – это марионетка, управляемая божеством» [Цит. по: 4, с. 12]. В условиях современной культуры человек возлагает на себя функции бога. Начиная с эпохи Возрождения, в европейской цивилизации формируются антропоцентричные ценностные установки. Формирование механистической картины мира, научно-технический прогресс привели к постепенному, но радикальному изменению отношения человека к окружающему миру, что неизбежно отразилось на понимании сущности и роли куклы. Но с момента возросшей популярности автоматизированных кукол происходит своего рода подмена понятий: заявление Ф. Ницше «Бог умер!» обернулось торжеством смерти в самом человеке. Практика замещения человека куклой существовала давно, но под влиянием развития технологий она обрела свое выражение в крайних, радикальных формах. По мнению отечественно философа, семиотика Ю.М. Лотмана движущаяся кукла на подсознательном уровне неизбежно вызывает ощущения ненатуральности. Чем больше кукла становится похожей на человека, тем больше возрастает ее мертвенность [3, с. 378]. Современный человек демонстрирует устойчивое стремление сместить акценты с духовных практик на манипуляции с объектами материального мира, желание очеловечить куклу, что стремительно ведет к вытеснению живого мертвым и общей смене восприятия человека и мира.

В условиях массовой, потребительской культуры сам человек становится объектом, ресурсом, товаром. Стремясь обрести свойства абстрактного совершенного Я, сведенного лишь к внешней оболочке, возводя в идеал неживое и забывая о незыблемой истинности гармоничного, прекрасного душой и телом человека, он уподобляется кукле. «Кукольная внешность» становится идеалом и открывает новую область медицины и саммаркетинга – пластическую хирургию. Рождается новая субкультура «живых кукол», девушек Барби. Продвижение этих идеалов возможно благодаря СМИ и фабрике грез – Голливуду, машине по созданию и

распространению визуальных образцов и ценностей массовой культуры.

Еще большие возможности манипуляций, навязывания новых установок открыла компьютеризация всех сфер деятельности человека. Особое внимание привлекает возросшая тенденция использования феномена двойничества и самой куклы как средства сублимации и повышенного стремления к эскапизму, как наиболее экономного варианта удовлетворения своих естественных потребностей. В качестве примера можно привести зависимости от компьютерных симуляций супружеских отношений, «усыновление» роботизированных кукол-младенцев и заботу о роботах-питомцах, по сути превращающих реальную жизнь не просто в игру, но в суррогат.

Все эти разнородные явления сходятся в том, что человек – фрагментарное, разорванное бытие, человек – лишь человек-во-внешнем-плане. Внутренние основы духовного содержания личности при этом выхолащиваются, иссушаются. Кукла предстает специфическим продуктом «клипового сознания», сквозь призму которого мир – это бесконечная мозаичная игра знаков, способствующая контролю бездумной массы [1, с. 141].

Еще одним ценностным аспектом проявления феномена куклы в условиях современной массовой культуры становится явление коллекционирования: когда куклу возводят в ранг своего рода культового предмета, однако исходят не из содержательных посылок, а лишь из материальной их ценности. Это свидетельствует о том, что ранее табуированные основы жизнедеятельности человека под влиянием новой «гуманизации вещи» сдают свои позиции. В постиндустриальном обществе данная установка реализуется через посте-

пенную легитимизацию в массовом сознании и культурных практиках целого класса объектов – роботов и андроидов, идея создания которых восходит к древним мифическим существам: от вылепленного Богом из глины первого человека Адама до железного голема и гомункулуса. Являясь, по сути, неживыми механическими куклами и искусственными «подобиями человека», его «бездушными копиями», они могут в будущем претендовать на более высокий, «человеческий» статус [4, с. 12].

Результатом исследования стало выявление существенных изменений роли куклы в современной культуре. Очевидный технологический прогресс влечет за собой не столько достижения, сколько утрату ценностных координат. В культурах традиционного типа, базирующихся на космоцентрических основаниях, значимость куклы определяется преимущественно ее ритуально-обрядовыми, магическими функциями, исходит из понимания сложных взаимосвязей и взаимозависимостей, в которые включен человек в природе и обществе, а также осмысления корреляций живое – неживое, внутренне – внешнее. Ценностные установки секулярного общества и десакрализованного, материалистического мировоззрения имеют следствием дегуманизацию и объективацию самого человека при выраженном стремлении к оживлению и гуманизации куклы.

Заключение

В современной культуре роль куклы существенно изменилась. Развитие антропоцентрической модели мира достигло своих пределов, о чем свидетельствует смещение семантики куклы в область чисто формальных, внешних отношений и смыслов.

Список литературы

1. Баричевская О.Ю. Аксиология массовой культуры. Сравнительный ценностно-смысловой анализ: монография / О.Ю. Баричевская. – М.: Научная книга, 2005. – 354 с.
2. Зими́на З.И. Текстильные обрядовые куклы / З.И. Зими́на. – М.: Ладога-100, 2007. – 64 с.
3. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры / Ю.М. Лотман // Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 377–380.
4. Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма) / И.А. Морозов. – М.: Индрик, 2011. – 352 с.

References

1. Barichevskaya, O. Yu. (2005). *Aksiologiya massovoi kul'tury. Sravnitel'nyi tsennostno-smyslovoi analiz.*, 354. Moscow: Nauchnaia kniga.
2. Zimina, Z. I. (2007). *Tekstilnye obryadovye kukly* [Textile ritual dolls]., 64. Moscow: Ladoga-100.
3. Lotman, Yu. M. (1992). *Kukly v sisteme kul'tury* [Dolls in the system of culture]. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* [Selected articles in three volumes. Vol.1. Articles on semiotics and topology of culture], 377-380. Tallinn: Alexandra Publ.
4. Morozov, I. A. (2011). *The Phenomenon of the Dolls in traditional and modern Culture (Cross-cultural Study of the Ideology of Anthropomorphism).*, 352. Moscow: Indrik.

Информация об авторах

Суворова Мария Константиновна – магистрант ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», Нижневартовск, Российская Федерация.
Адамецкая Татьяна Николаевна – канд. культурологии, доцент ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», Нижневартовск, Российская Федерация.
Рашитова Светлана Фаатовна – магистр пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», Нижневартовск, Российская Федерация.

Information about the authors

Maria K. Suvorova – master's student of FSBEI of HE "Nizhnevartovsk State University", Nizhnevartovsk, Russian Federation.
Tatyana N. Adametskaya – candidate of cultural studies, associate professor of FSBEI of HE "Nizhnevartovsk State University", Nizhnevartovsk, Russian Federation.
Svetlana F. Rashitova – master of pedagogical sciences, associate professor of FSBEI of HE "Nizhnevartovsk State University", Nizhnevartovsk, Russian Federation.

Башкирская тема в работах оренбургского краеведа начала XX века П.Л. Юдина

DOI 10.31483/r-86169

УДК 94

Прокофьева В.Ю.^{1,а}, Прокофьева А.Г.^б¹ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения», Санкт-Петербург, Российская Федерация.^а <https://orcid.org/0000-0003-1418-4210>, e-mail: vicproc@rambler.ru^б <https://orcid.org/0000-0002-9717-4802>

Резюме: В статье приводятся данные об исследованиях Павла Львовича Юдина – российского историка-архивиста конца XIX – начала XX вв., краеведа, члена нескольких ученых архивных комиссий, который, будучи уроженцем Оренбуржья, посвятил свою научную деятельность изучению многонационального Южного Урала. Впервые выделяется в наследии ученого башкирская тема – изыскания о культуре, истории и людях Башкирии.

Методы исследования: анализ работы ученого, опубликованные в столичных журналах, газетах, посвященных башкирской истории, ее культуре, народу. На основе анализа публикаций ученого в периодических изданиях выделяются следующие аспекты исследования П.Л. Юдиным Башкирии: историческое прошлое края – заселение башкирских земель, описание башкирских городов, жизни и быта их жителей, архивные данные об участии башкир в Пугачевском восстании, личность оренбургского военного генерал-губернатора начала XIX века В.А. Перовского, его военные походы и память о нем в башкирской истории, посещение Уфимской губернии историческими лицами, в том числе императором Александром I, подготовка к подобным посещениям, религиозные верования башкирско-го населения.

Вывод. Отмечается значимость исследований П.Л. Юдина и актуальность его архивных находок для современной этнографии и этнологии и исторической науки в целом.

Ключевые слова: П.Л. Юдин, архивные материалы, Башкирия, Уфимская губерния, Оренбуржье.

Для цитирования: Прокофьева В.Ю. Башкирская тема в работах оренбургского краеведа начала XX века П.Л. Юдина // *Этническая культура*. – 2020. – № 3 (4). – С. 27-30. DOI:10.31483/r-86169.

Bashkir Theme in Works by P.L. Yudin, Orenburg Local Historian of the Beginning of the XX Century

Viktoriya Yu. Prokofeva^{1,а}, Alla G. Prokofeva^б¹FSBEI of HE "Saint Petersburg State University of Film and Television", Saint Petersburg, Russian Federation.^а <https://orcid.org/0000-0003-1418-4210>, e-mail: vicproc@rambler.ru^б <https://orcid.org/0000-0002-9717-4802>

Abstract: The article presents data on the studies by P.L. Yudin, a Russian historian-archivist of the beginning of the 20th century, local historian, a member of several scholarly archival commissions, who being a native of the Orenburg Region, dedicated his scientific activity to the study of multinational South Ural. For the first time, the Bashkir theme – research about the culture, history and people of Bashkiria – stands out in the scientist's legacy.

Methods of research: analysis of the works of the scientist about Bashkir history, its culture and people, published in the magazines, newspapers. Based on the analysis of scientist's works the following aspects of the study of Bashkiria by P.L. Yudin are distinguished: the historical past of the region – the settlement of Bashkir lands, a description of the Bashkir cities, the lives and mode of life of their inhabitants, archival data on the participation of the Bashkirs in the Pugachev uprising, the personality of V.A. Perovsky, Orenburg military governor general of the early 19th century, his military campaigns and citations about him in Bashkir history, historical visits to the Ufa Governorate by historical figures, including Emperor Alexander I, preparation for such visits, religious beliefs of the Bashkir population.

Conclusion. The importance of studies by P.L. Yudin and the relevance of his archival finds for ethnography, ethnology and modern historical science is denoted as well.

Keywords: P.L. Yudin, archival materials, Bashkiria, Ufa Governorate, Orenburg Region.

For citation: Prokofeva V.Y., & Prokofeva A.G. (2020). Bashkir Theme in Works by P.L. Yudin, Orenburg Local Historian of the Beginning of the XX Century. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 27-30. (In Russ.) DOI:10.31483/r-86169.

Введение

Павел Львович Юдин (1864–1928), историк и литератор (литературный псевдоним – П.Ю.), в конце XIX – начале XX веков был широко известен своими краеведческими работами, опубликованными в журналах «Русский архив», «Исторический вестник», «Русская старина».

Родился П.Л. Юдин в станице Сакмарской Оренбургской губернии, в казачьей семье, окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. С 1881 года он был на военной службе, к 1884 году дослужился до чина хорунжего. В годы Первой мировой войны он служил в ополчении, был военным корреспондентом. В период революции П. Юдин жил в разных городах, сотрудничал в газетах. В 1924 году он переехал в

Астрахань, в 1925 участвовал в I съезде архивных деятелей РСФСР в Москве.

С 1889–1890-х гг. П.Л. Юдин публиковал очерки и краеведческие статьи, написанные на архивном материале в оренбургских газетах. Многонациональное население Оренбургского края особенно привлекала его внимание. В этнологическом и этнографическом наследии П.Л. Юдина особенно выделяется башкирская тема.

Методы исследования

В процессе исследования были собраны и проанализированы архивные материалы, газетные и журнальные публикации П.Л. Юдина о Башкирии, ее культуре, городах и особенно – людям, как простым, так и из-

вестным историческим деятелям; проведен сопоставительный анализ основных работ ученого, посвященных этнографическим проблемам на примере башкирской культуры, сделано обобщение, показывающее значимость приведенных исследований и актуальности их в настоящее время.

Результаты исследования

Этнографические и краеведческие работы П.Л. Юдина были результатом его деятельности как члена трех ученых архивных комиссий: Оренбургской, Нижегородской и Саратовской, а также Петровского общества исследователей Астраханского края. В конце 1880-х годов отмечается его присутствие на заседаниях Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК). В протоколе заседания комиссии от 23 октября 1889 года записано: «Предложен в члены комиссии хорунжий Оренбургского казачьего войска П.Л. Юдин, представивший реферат «Гр. В.А. Перовский по рассказам старых людей» [3, с. 67]. По утверждению брата П. Юдина – Михаила Юдина, текст реферата позже вошел в статью П. Юдина «Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае», опубликованную в журнале «Русская старина» в 1896 году. Уже в этой статье есть страницы, затрагивающие башкирскую тему. Отмечая расположение оренбургского губернатора В.А. Перовского к Башкирии, Юдин подчеркивает любовь башкир к нему. Автор пишет: «Благодарная память к нему передается у них от дедов к отцам, от отцов к детям, и, наверно, ещё долго будет сохраняться в потомстве... Мало того, они составили в честь В.А. свой оригинальный марш – «Пиравский» и везде и постоянно наигрывают его на джибызге. Говорят, что он написан как воспоминание о несчастном Хивинском походе... Таким образом В.А. Перовский живет в памяти народной» [6, с. 550].

На декабрьском заседании ОУАК в 1889 г. П. Юдин прочитал реферат «О начале происхождения казаков», и тема казачества в научной деятельности ученого, хорунжего Оренбургского казачьего войска, в дальнейшем принесла ему известность в научных кругах.

Начиная с 1889–1890 годов П. Юдин публиковал очерки, краеведческие статьи, написанные на архивном материале, в газетах «Оренбургские губернские ведомости», «Оренбургский листок», «Тургайская газета» (очерк «Набег», «Возмездие»). Многие из его работ имеют подзаголовки: «из архивных дел», «по данным...», «отрывки из архивных сказаний...» и т. п.

В 1890–1900-е годы Юдин начал печататься в столичных журналах: сначала в «Историческом вестнике» – с 1891 г., затем в «Русском архиве» – с 1892, а с 1894 года в «Русской старине». В этих журналах у него вышло около 90 статей. Его работы этого периода были посвящены в основном истории и быту уральского казачества, башкир, старообрядчеству, жизни и деятельности А.С. Пушкина, Н. Успенского, Т. Шевченко, А.Н. Плещеева, М.Д. Скобелева, судьбе князей Багратионов-Имеретинских в России, уральским городам и др.

Работа «Развалины древнего города в Уфимской губернии», опубликованная в «Историческом вестнике», необычна для П. Юдина, всегда ставившего во главу

угла точный факт, подтвержденный документом. Эта же работа наполнена эмоциональными зарисовками. Вот как пишет автор о Башкирии: «Обширная Уфимская губерния представляет чрезвычайно богатый и совсем ещё не исследованный в археологическом отношении край, где встречаются памятники старины как чудского народа, так и ногайских племен, сменивших друг друга в поступательном движении, совершавшемся в разные века» [7, с. 147]. Видимо, эмоции навеяны башкирскими преданиями, к которым обращался автор в работе над этой статьей, но он опирался, как всегда, по его утверждению, и на сведения местных архивов и сочинения П.И. Рычкова. Внимание П. Юдина привлекли особые развалины, находящиеся «в 50 верстах от Уфы»: дворца Тура-хана, потомка Чингиз-хана, и мавзолея ногайского имама Хусейн-бека близ реки Дёмы. Статья сопровождается красочным рисунком мавзолея.

Многие статьи П. Юдина были посвящены историческим лицам, посетившим Оренбургский край или жившим в нем: пребыванию в Оренбургском крае в 1824 г. Александра I, жизни графа В.А. Перовского, оренбургского губернатора барона О.А. Игельстрема, девицы-кавалериста Дуровой, чей отец оказался уфимским уроженцем (статья «К родословной «девицы-кавалериста» Дуровой»), первого директора Неплюевского училища Г.Ф. Генса, И.И. Неплюева – первого оренбургского губернатора и памятникам ему и др.

Одна из статей этого плана называется «Император Александр I в городе Уфе в 1824 году» [9]. Автор рассказывает, как в Уфе готовились к этому событию, в каком состоянии были дороги, какие сложности вызвал ремонт их. П. Юдин останавливается на конфликте губернских властей и горожан из-за оплаты ремонта и объяснении вице-губернатора Хирьякова и уфимского уездного предводителя дворянства Баранцова, данным по этому поводу Аракчееву для царя. Довольно подробно описан путь Александра I: 8 сентября из Ставрополя в Самару на катере по Волге, остановка в доме генерала-майора Струкова, начальника соляного правления, на следующий день – в Оренбург через Бузулук, оттуда на Стерлитамак и Уфу; при этом автор указывает, кто сопровождал царя, сколько было колясок, какие депутации встречали.

Большое внимание П. Юдин уделяет описанию праздничной Уфы в день приезда царя 16 сентября («город украсился флагами и вензелями, гирляндами из разноцветных материй и зелени»), сообщает о посещении Смоленского собора, где ждал царя Амвросий, епископ оренбургский и уфимский, об обеде у гражданского губернатора Нелидова. 18 сентября царь присутствовал при закладке храма Александра Невского (статья сопровождается красочным снимком храма, проект которого был преподнесен в 1824 г. Александру I); останавливался же царь в Уфе – в доме атамана уфимской станицы Патранина. Подробное описание истории этого дома и царских подарков членам семьи атамана дано в другой статье П. Юдина – «Царский подарок», напечатанной годом спустя в том же «Историческом вестнике» [10]. Из Уфы Александр выехал в Бирск, который очень понравился царю.

П. Юдина интересовала и жизнь простых людей, а не только знаменитых В 1897 году он опубликовал в «Русском архиве» дневниковые записи уфимского и оренбургского жителя Ребелинского [8].

Тематика работ П. Юдина часто определялась тем, какие документы, материалы попадались ему в архиве того или иного города, в котором он проживал.

Но куда бы ни уезжал П. Юдин, он не забывал родного Оренбургского края и писал о нем. Отдавая дань историческому прошлому края, П. Юдин написал основательные статьи о заселении края, сложных взаимоотношениях оренбургских властей с кирзиз-кайсаками, калмыками, об учебной реформе 1860 года, о полицейской реформе в крае. В ряде статей он освещает историю Пугачевского восстания – статьи: «К истории Пугачевщины», «После Пугачевщины на Каспии», Пугачевские сообщения в Астрахани», «Суд и казнь Салаватки (К истории Пугачевского бунта)». Последняя статья также была опубликована в «Историческом вестнике» [11].

По мнению П. Юдина, в трудах о пугачевщине прослеживается значительный пробел «относительно северных провинций Приуралья»: «Если не главным, то и не последним явлением в этих местах было возмущение башкир под предводительством знаменитого сподвижника Пугачева Салаватки Юлаева, о судьбе и деяниях которого ещё очень мало данных в печатных произведениях, хотя действия его вполне заслуживают подробного описания» [11, с. 579].

П. Юдин подчеркивает, что именно Салават Юлаев был руководителем башкирского восстания: не будь такого помощника, Пугачев вряд ли мог так долго продержаться в Башкирии. Недостаток сведений о Салавате Юлаеве П. Юдин объясняет тем, что следственное дело о нем, суд и казнь над ним были произведены не в Москве и не в Оренбурге, а в Уфе.

П. Юдину удалось разыскать в уфимском архиве почти всю «следственную переписку об этом мятежнике и об отце его». В своей работе Юдин сообщает следующие сведения: отец Салавата – Юлай Азналихов – ещё до Пугачевского восстания принимал участие в башкирских «возмущениях» в 1755 г., был прощен, а через 12 лет даже был пожалован оренбургским губернатором Путятиным званием башкирского старшины деревни Юлаевки Уфимской провинции. Во время Пугачевского восстания Юлай, собрав 95 башкир, с сыном отправился в Оренбург к Рейнсдорпу на помощь, но все они были захвачены пугачевцами. Когда Салавата привели в Бёрде к Пугачеву, то он понравился крестьянскому вождю, и тот произвел Салавата, которому было 21 год, в полковники и послал в Башкирию за пополнением. П. Юдин, основываясь на архивных

документах, указывает количество бунтовщиков прослеживает, в каких местах Уфимского уезда были отец с сыном, анализирует их действия, перечисляет захваченные и разграбленные ими деревни, заводы, называет точную дату ареста Салавата – 25 ноября 1774 г. Его отец, видя, что дело проиграно, еще до этого явился по вызову старшины к Тимашеву. Пишет Юдин подробно и о приговоре Юлаевым и казни их, уточняя все детали (получили по 175 ударов, вырвали ноздри, поставили на лбу знаки).

Целый цикл работ создан П.Л. Юдиным на религиозную тему, о расколе. Раскрывая эту тему, автор подходит к ней не только как к оренбургской проблеме, а берёт во внимание весь Урал. Об этом свидетельствуют и названия его статей: «В сыртовских дебрях (очерк из прошлого уральского старообрядчества) – 1891, №1; «Зачатки единоверия на Урале» – 1894; «Из истории сектанства» – 1894; «К истории христианства у иноверцев» – 1900; «Рассадники раскола на Урале» – 1915. К этому циклу относится статья «Раскол в Оренбургском крае (Историческая записка епископа Оренбургского и Уфимского Антония)» [12]. Во второй части этой статьи рассматривается Уфимский край, его уезды – Уфимский, Бирский, Мензелинский, Белебеевский, Стерлитамакский, выясняются источники (в заселении) и пути распространения раскола: через стрельцов, переселенцев и лжеучителей.

В XXI веке интерес к личности П.Л. Юдина и его краеведческим работам возобновился. В последние годы о нем написаны очерки, статьи, диссертация – в основном регионального характера. Так В.Г. Семенов писал о П. Юдине как оренбургском казаке-офицере [4], В.Г. Цогоев в научный оборот новые биографические данные о деятельности П. Юдина во Владикавказе [5], В.А. Колесников – про Хоперский казачий полк [2]. В диссертации Ф.А. Киржиновой [1] исследуются научная деятельность Юдина в предреволюционные годы и его работы о терском казачестве. Всё это свидетельствует о том, что научное наследие П.Л. Юдина требует дальнейшего серьезного исследования.

Заключение

Таким образом, башкирская тема, исследуемая на данном материале впервые, присутствует в ряде работ П.Л. Юдина и касается она в основном таких аспектов, как заселение башкирских земель, историческое прошлое края, башкирские города, участия башкир в Пугачевском восстании, в военных походах оренбургского губернатора В.А. Перовского, жизни и быта, религиозных верований башкирского населения, посещения Башкирии историческими лицами.

Список литературы

1. Киржинова Ф.А. Научное наследие Павла Львовича Юдина и его общественная деятельность в Терской области в 1910–1917 годах: дис. ... канд. ист. наук / Ф.А. Киржинова. – Нальчик, 2012. – 185 с.
2. Колесников В.А. Историография Хоперского казачьего полка: От генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина / В.А. Колесников // Кубанский сборник: сб. науч. ст. по истории края. Т. 1 (22), Ч. 1 / науч. ред. и сост. О.В. Матвеева. – Краснодар: Книга, 2006. – С. 32–57.
3. Оренбургская ученая архивная комиссия [Труды]. – Вып. 30. – Оренбург, 1914. – 227 с.

4. Семенов В.Г. Видные исследователи Оренбургского края – офицеры Оренбургского казачьего войска / В.Г. Семенов // Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе: материалы IX Всероссийской науч.-практ. конф. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – С. 318–324.
5. Цогоев В.Г. Историк-архивист П.Л. Юдин во Владикавказе: неизвестные страницы биографии / В.Г. Цогоев // Вестник Владикавказского научного центра. – 2011. – Т. 11, №4. – С. 2–7.
6. Юдин П.Л. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае / П.Л. Юдин // Русская старина. – 1896. – №6. – С. 521–551.
7. Юдин П.Л. Развалины древнего города в Уфимской губернии / П.Л. Юдин // Исторический вестник. – 1895. – Т. 61. – С. 147–151.
8. Юдин П.Л. Из дневника М.С. Ребелинского / П.Л. Юдин // Русский архив. – 1897. – №3. – С. 464–481.
9. Юдин П.Л. Император Александр I в городе Уфе в 1824 году / П.Л. Юдин // Исторический вестник. – 1892. – Т. 49, №7. – С. 151–158.
10. Юдин П.Л. Царский подарок / П.Л. Юдин // Исторический вестник. – 1893. – Т. 52. – С. 291–292.
11. Юдин П.Л. Суд и казнь Салаватки (К истории Пугачевского бунта) / П.Л. Юдин // Исторический вестник. – 1898. – Т. 73. – С. 579–586.
12. Юдин П.Л. Раскол в Оренбургском крае (Историческая записка епископа Оренбургского и Уфимского Антония) / П.Л. Юдин // Русский архив. – 1915. – №3. – С. 299–227.

References

1. Kirzhinova, F. A. (2012). Nauchnoe nasledie Pavla L'vovicha Yudina i ego obshchestvennaia deiatel'nost' v Terskoj oblasti v 1910-1917 godakh., 185. Nal'chik.
2. Kolesnikov, V. A. (2006). Istoriografiia Khoperskogo kazach'ego polka: Ot generala I.L. Debu do otstavnogo khorunzhego P.L. Yudina. Kubanskii sbornik, Vol. 1 (22), Ch. 1, 32-57. Krasnodar: Kniga.
3. (1914). Orenburgskaia uchenaia arkhivnaia komissiiia [Trudy]., 227. Orenburg.
4. Semenov, V. G. (2013). Vidnye issledovateli Orenburgskogo kraia. Pravoslavie i kul'tura slavian v Iuzhno-Ural'skom regione, 318-324. Orenburg: ООО ИПК "Университет".
5. Tsogoev, V. G. (2011). Istorik-arkhivist P.L. Yudin vo Vladikavkaze: neizvestnye stranitsy biografii [Historian-archivist P.L. Yudin in Vladikavkaz: unknown pages of a biography]. Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center], Vol. 11, 4, 2-7.
6. Yudin, P. L. (1896). Count V. Petrovsky in the Orenburg Region. Russian antiquity, 6, 521-551.
7. Yudin, P. L. (1895). Razvaliny drevnego goroda v Ufimskoi gubernii. Istoricheskii vestnik [Historical Bulletin], Vol. 61, 147-151.
8. Yudin, P. L. (1897). Iz dnevnika M.S. Rebelinskogo. Russkii arkhiv, 3, 464-481.
9. Yudin, P. L. (1892). Imperator Aleksandr I v Orenburgskom krae v 1824 godu [Emperor Alexander I in the Orenburg region in 1824]. Istoricheskii vestnik [Historical Bulletin], Vol. 49, 7, 151-158.
10. Yudin, P. L. (1893). Tsarskii podarok. Istoricheskii vestnik [Historical Bulletin], Vol. 52, 291-292.
11. Yudin, P. L. (1898). Sud i kazn' Salavatki (K istorii Pugachevskogo bunta). Istoricheskii vestnik [Historical Bulletin], Vol. 73, 579-586.
12. Yudin, P. L. (1915). Raskol v Orenburgskom krae (Istoricheskaia zapiska episkopa Orenburgskogo i Ufimskogo Antoniiia). Russkii arkhiv, 3, 299-227.

Информация об авторах

Прокофьева Виктория Юрьевна – д-р филол. наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения», Санкт-Петербург, Российская Федерация.
Прокофьева Алла Георгиевна – д-р пед. наук, профессор, краевед, Оренбург, Российская Федерация.

Information about the authors

Viktoriya Yu. Prokofeva – doctor of philological science, professor of FSBEI of HE "Saint Petersburg State University of Film and Television", Saint Petersburg, Russian Federation.
Alla G. Prokofeva – doctor of pedagogical science, professor, local historian, Orenburg, Russian Federation.

Политическая активность женщин в свете этнокультурных особенностей кыргызского общества

DOI 10.31483/r-75835

УДК 81

Мукашева Р.М.

Дипломатическая академия МИД КР им. К. Дикамбаева, Бишкек, Кыргызская Республика.

<https://orcid.org/0000-0003-2607-1280>, e-mail: rahat_77@mail.ru

Резюме: Автор подчеркивает, что в настоящее время вопрос влияния гендерных стереотипов на роль и участие кыргызских женщин в политике, с лингвистической точки зрения, изучен недостаточно. Статья посвящена этнокультурным традициям и гендерным стереотипам, бытующим в кыргызском обществе и влияющим на вовлеченность женщин в политическую жизнь страны. Автор уделяет внимание на роль женщин в истории республики, рассматривает пословицы и клишированные народные наказы. Целью статьи является выявление этнокультурных факторов, определяющих гендерные роли мужчин и женщин, а также их влияние на общество.

Методы исследования. Работа основана на описательном методе. За основу были взяты следующие фольклорные материалы: кыргызские пословицы из сборника М. Ибрагимова «Кыргыз макал, лакап, учкул сөздөрү», традиционные правила взаимоотношений людей разного возраста и пола, принципы воспитания молодежи.

В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что традиции и стереотипы кыргызского общества наделяют мужчин и женщин гендерно традиционными ролями: мужчина играет главную роль в семье, обществе и занимается типично мужскими делами, а женщине отведена второстепенная роль, она занимается исключительно домом и семьей. Отмечается, что такие установки во многом ограничивают политическую активность женщин.

Ключевые слова: этнокультурные факторы, гендерные стереотипы, мужчина, женщина, политика, кыргызский народ.

Для цитирования: Мукашева Р.М. Политическая активность женщин в свете этнокультурных особенностей кыргызского общества // *Этническая культура*. – 2020. – № 3 (4). – С. 31-34. DOI:10.31483/r-75835.

Political Activity of Women on the Basis of Ethnocultural Features of Kyrgyz Society

Rahat M. Mukasheva

Diplomatic Academy MFA KR named after K. Dikambaev, Bishkek, Kyrgyz Republic.

<https://orcid.org/0000-0003-2607-1280>, e-mail: rahat_77@mail.ru

Abstract: The author outlines that nowadays, the question of the influence of gender stereotypes on the role and participation of Kyrgyz women in politics, from a linguistic point of view, has been little studied in Kyrgyzstan. The article is devoted to the ethnocultural traditions and gender stereotypes of the Kyrgyz society that affect the activity and involvement of women in the political life of the state. The author pays attention to the role of Kyrgyz women in the history of the country, examines Kyrgyz proverbs and folk clichés, which are the folk heritage of the people. The purpose of the article is to identify ethnocultural factors that determine the gender roles of men and women, as well as their impact on society.

Research methods. During the study a descriptive method was applied. The following folklore materials were taken as a basis: Kyrgyz proverbs from "Kyrgyz makal, lakap, uchkul sozloru" by M. Ibragimov, traditional rules of relationships between people of different ages and genders, principles of youth upbringing.

As a result of the analysis, the author concludes that the traditions and stereotypes of Kyrgyz society endow men and women with gender traditional roles: a man plays a major role in the family, in society and is engaged in "male affairs", while a woman is assigned a secondary role, she only deals with home and family. It is emphasized that such attitudes largely limit the political activity of women.

Keywords: ethnocultural factors, gender stereotypes, man, woman, politics, Kyrgyz people.

For citation: Mukasheva R.M. (2020). Political Activity of Women on the Basis of Ethnocultural Features of Kyrgyz Society. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 31-34. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75835.

Введение

В последние десятилетия женщина играет важную роль в мировой политической жизни. Политическая практика феминизма, борьба женщин за свои права привели к резкому скачку активности женщин во всех сферах общественной жизни. Во второй половине XX в. произошел прорыв женщин в высшие эшелоны власти, в ряде стран Западной Европы, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки они взяли власть в свои руки.

Подобный факт прихода женщины к власти произошел и в Киргизии. После революции 2010 г. страну возглавила вначале в качестве главы временного правительства, а затем как президент переходного периода Р.И. Отунбаева. В настоящее время она является первой и пока единственной женщиной-президентом в

странах Средней Азии. При этом, для ср., статус женщины в общественно-политической жизни Киргизии остается неоднозначным.

Исторически же до возникновения кыргызского государства женщины принимали активное участие в общественно-политической жизни. Широко известны девушка-защитница племенных границ Жаныл Мырза, Курманджан Датка, Уркуя Салиева и др. Они сыграли значительную роль в становлении кыргызской государственности. Так, К. Датка (1811–1907) – самая почитаемая женщина в стране. Это яркая историческая личность, государственный и общественный деятель. Ее называли Алайской царицей, снискавшей популярность в народе своей мудростью. Дарование коканским ханом титула Датка (генерал) женщине является

едва ли не единственным случаем в истории мусульманских народов.

Правление Алайской царицы (1832–1876) пришлось на противоречивый период в истории киргизского народа. Она с успехом решила родовые споры киргизов, сплотила народ алая (региона страны), проводила независимую от Кокандского ханства политику и самое главное выстроила дружеские отношения с Россией. О заслугах и авторитете К. Датки говорится в уникальном архивном документе о награждении ее Золотой медалью на Андреевской ленте и пенсией в 300 рублей [5, с. 56]. Для киргизского народа К. Датка является примером искусного политика, дипломата и патриота своей страны.

Безусловно, говорить о лидерстве киргизских женщин нельзя, так как при патриархально-феодальном строе того времени женщина была бесправной и находилась в полной экономической зависимости от мужчин.

Октябрьская революция 1917 г. принесла положительные изменения в социальное положение женщин Киргизии. В первую очередь они получили право на образование и возможность участвовать в общественной жизни молодой республики. Женщины организовывали и возглавляли женские организации, избирались делегатами. В советскую эпоху женщины занимали пост министра культуры, были депутатами Верховного Совета Киргизской ССР, депутатами Верховного Совета СССР.

Несмотря на все перечисленные выше исторические факты участия киргизских женщин в общественно-политической жизни страны до сих пор в политике и в высших эшелонах власти Киргизии наблюдается гендерный дисбаланс. Женщины заняты в традиционно женских сферах: образовании, здравоохранении и занимают в большинстве своем должности среднего звена. В Киргизской Республике в 2019 г. в парламенте страны Жогорку Кенеше были депутатами всего лишь 18 женщин, для ср.: 101 мандат принадлежал мужчинам [2]. Все это говорит о том, что, несмотря на внесение в Избирательный кодекс закона о 30-процентной квоте для женщин в парламенте, ситуация с представленностью женщин на уровне законодательной власти остается не столь благополучной, как в европейских странах.

Методы

В исследовании используется описательный метод. Тема предполагает обращение к изучению фольклорного материала, в частности, киргизских пословиц, традиционных правил взаимоотношений людей разного возраста и пола, принципов воспитания молодежи. Пословицы взяты из сборника М. Ибрагимова «Кыргыз макал, лакап, учкул сөздөрү» [3].

Результаты и обсуждение

Исследование научно-методического материала, социологических исследований, проводимых на территории Киргизии по выявлению существующих в обществе стереотипов, этнокультурных факторов, препятствующих продвижению женщин во власть, показало,

что в общественном сознании политика считается областью, принадлежащей мужчинам, а женщины-политики воспринимаются обществом отрицательно.

Согласно гендерным стереотипам, в киргизском обществе социальные роли мужчин и женщин четко разграничены: мужчина – добытчик, хозяин в семье, лидер в обществе, а «женщины пусть знают свое место возле очага. ...женщины на втором месте, на втором плане» [6].

Не только гендерные стереотипы, но и сложившиеся этнокультурные традиции, обычаи влияют на степень участия женщин в политической жизни страны. Результаты социологических исследований показали, что существуют несколько типов такого рода этнокультурных факторов:

1. Семейные традиции и ценности, предполагающие клановость, уважение к старшим, при этом мужчине принадлежит главенствующая роль в семье.

«Клановость кыргызов ярко проявляется при объединении усилий по выдвижению лидера. Как правило, лидером провозглашается мужчина, и если женщина из этого же рода или клана становится конкурентом, то она практически не найдет сторонников и большинство будут против нее» [1, с. 33].

Данное заключение подтверждается и нашим лингвистическим исследованием политического дискурса на материале публичных выступлений киргизских политиков (мужчин и женщин). Например, во время обсуждения темы «Роль женщин во власти» в телевизионной передаче «Сиздин депутат» («Ваш депутат»), приглашенная женщина-депутат Жогорку Кенеша А. Султанбекова высказала мнение о том, что киргизские женщины готовы уступить мужчинам место в политической сфере деятельности: «Создание конкуренции между женщиной и мужчиной, это само по себе не соответствует нашей природе, есть вещи, которые не присущи естеству киргизского народа. Сколько бы мы ни говорили о демократии, мы все равно не должны забывать о том, что мы – киргизы, и не должны забывать о традициях и обычаях... Если брат моего мужа выдвигает себя кандидатом на выборы, то я откажусь от своего выдвижения, это все исходит из традиций и обычаев. Какой бы мы ни написали закон, при такой ситуации, я думаю, киргизская женщина все равно уступит свое место мужчине» (перевод автора. – Р. М.) [4].

Такое отношение к описанной ситуации имеет этнокультурные корни. Издревле девочки воспитываются в уважении к старшим по возрасту людям, к старшим мужчинам в семье, а после замужества женщина должна проявлять уважение и почтение к мужу и его родственникам: *Улуу адам – улуу тоо сыяктуу*. «Человек, который старше тебя, подобен великой горе»; *Уулуга урмат, кичүүгө ызат*. «Старшим почет, младшим уважение»; *Ак жолтой келин*. «Невестка, приносящая счастье в дом мужа»; *Кайынатаңды, кайынэнеңди өз эне-атаңдай көр*. «Относись к родителям мужа так же уважительно, как и к своим родителям»; *Кайын эненин камырынан*. «Какая свекровь, такая же невестка»; *Аял жерден чыккан жок, аял эркектен жаралган*. «Женщина создана не из земли, она создана из мужчины».

2. Женщина – хранительница семейного очага.

В народе до сих пор придерживаются мнения, что девушка должна обязательно выйти замуж, и чем раньше, тем лучше. Замужество считается залогом счастливой жизни: *Кыз – конок*. «Дочь – гостья в доме родителей»; *Кыз бала эрде жакшы, болбосо жерде жакшы*. «Счастье девушки в замужестве, а иначе быть ей несчастной»; *Үйдөн чыккан кыз чийден тышкары*. «Дочь, выданная замуж, – отрезанный ломоть».

Девочки должны уметь вести хозяйство, готовить еду, что отражается в таких поговорках, как *Кыз бар үйдө кыл жатпайт*. «В доме, в котором растет дочь, нет ни соринки»; *Аялды ашынан тааны, баланы башынан тааны*. «Женщину можно оценить по ее умению готовить, а ребенка можно оценить с самого детства»; *Келин жакшысы – керемет, келин жаманы – кетпес кесик*. «Хорошая невестка – чудо, плохая невестка – незаживающая рана»; *Келинди келгенде көр, же тезек терип жүргөндө көр*. «Оцени невестку по приходу или же во время сбора кизяка».

Таким образом, девочки с детства впитывают в себя, что мужчина – это глава семьи, а женщина играет второстепенную роль домохозяйки, но при этом должна поддерживать мужа, быть советчицей: *Аял жакшы – эр жакшы, вазир жакшы – хан жакшы*. «Жена хороша – и муж хорош, визирь хорош – и хан хорош».

3. Неуважительному, пренебрежительному отношению со стороны родственников подвергаются мужчины, чье карьерное, профессиональное, положение ниже, чем у жены.

Подобное мнение и отношение близких приводит к семейным конфликтам между мужем и женой, так как традиционно, мужчина должен быть главой в доме во всех отношениях: мужчина должен зарабатывать больше, чем жена, занимать должностной пост выше, чем жена. Поэтому женщина не может в полной мере рассчитывать на поддержку со стороны мужа и его родственников в случае своего карьерного роста. Мы считаем, что данный фактор является существенным препятствием в продвижении женщин в политической карьере и в управленческие органы власти.

4. Религия, которая в последние десятилетия активно пропагандируется в стране.

По Конституции Кыргызская Республика является светским государством, в котором политика и религия разделены. Основное население, а оно многонациональное, исповедуют ислам, хотя ислам не является государственной религией. Однако в последние годы ислам играет большую роль в формировании общественного сознания, увеличивается количество людей, строго соблюдающих каноны ислама. Естественно, что исповедуемая религия не поддерживает женщин

в стремлении идти в политику. Религиозные деятели считают, что «женщина не должна вмешиваться в политику. Она слабая. Политика и власть портят женщину, и у такой женщины не бывает в сердце Бога» [1, с. 30] и предостерегают женщин от вмешательства в «грешные» дела (кирг. *макирөө иштер, арам иштер «грешные дела»*).

Все сказанное выше не позволяет киргизским женщинам в полной мере участвовать в политической жизни страны, поскольку женщина, занявшись политической деятельностью, перестает выполнять свою гендерную роль и не соответствует существующим установкам. Ее обязательства перед мужем, семьей не оставляют ей достаточного времени на активное участие в политической жизни. Кроме того, политическая карьера требует материальных затрат. Таким образом, женщина стоит перед выбором между семейным счастьем и политической карьерой.

В укоренении традиционных гендерных стереотипов и установок большую роль играют средства массовой информации. Организация CIMERA при поддержке Швейцарского агентства по развитию и сотрудничеству проводило в Киргизии исследование, направленное на определение образа женщины в средствах массовой информации Центральной Азии. Согласно результатам исследования, в СМИ часто обсуждается и поддерживается стереотип о роли женщины восточной культуры как жены, матери, создательницы и хранительницы домашнего очага. Более того, в передачах на государственном телевидении этот стереотип пропагандируется, в них провозглашаются идеи основного предназначения женщины – жить ради семьи, быть покорным мужем и свекрови, соблюдать исламские традиции в одежде [4, с. 69–70].

Заключение

Исследования показывают, что в киргизской культуре сильна традиционная патриархальная система взаимоотношений, которая строится на этнокультурных традициях. Сложившиеся традиции и гендерные стереотипы обязывают мужчин быть главой семьи и возлагают на них ответственность за принятие решений как в семейных вопросах, так и в государственных. Женщины, как правило, играют вторые роли и являются лишь людьми, следующими за мужчиной.

В настоящее время в стране женщины все в большей степени допускаются в политическую деятельность. Они преимущественно заняты решением многих социальных вопросов. Этот факт дает уверенность в том, что для женщин Киргизии традиционные ценностные ориентации не являются преградой, препятствующей активному участию в политической жизни страны.

Список литературы

1. Гендерные стереотипы об участии мужчин и женщин в выборах: отчет исследования. – Бишкек, 2004. – 66 с.
2. Как женщины влияют на уровень принятия решений в стране: инфографика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kaktus.media/doc/393008_kak_jenshiny_vliiaut_na_uroven_priiniatia_resheniy_v_strane.infografika.html (дата обращения: 25.05.2020).
3. Кыргыз макал, лакап, учкул сөздөрү / жыйнаган: М. Ибрагимов; жоопту ред. К. Конкобаев. – Бишкек, 2008. – 640 б.

4. Мукашева Р.М. Этнокультурная специфика манифестации гендерных различий в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений киргизских и французских политиков): дис. ... канд. филол. наук / Р.М. Мукашева. – М., 2018. – 200 с.

5. Плоских В.М. Курманджан Датка – царица Алая / В.М. Плоских, Ж. Джолдошева, С. Мамытов; пер. с киргиз. М. Рудова. – Бишкек: Шам, 2002. – 136 с.

6. Тимофеева Д. «Нужны поколения, чтобы изменились стереотипы»: готовы ли кыргызстанки к политической активности? / Д. Тимофеева, А. Ынтымаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.currenttime.tv/a/kyrgyzstan-women-rights/30242894.html> (дата обращения: 17.05.2020).

References

1. (2004). Gendernye stereotypy ob uchastii mujchin i jenshchin v vyborakh: otchet issledovaniia., 66. Bishkek.
2. Kak jenshchiny vliiaut na uroven' prinatiia reshenii v strane. Infografika. Retrieved from https://kaktus.media/doc/393008_kak_jenshiny_vliiaut_na_uroven_priinaiia_resheniy_v_strane.infografika.html
3. (2008) Kyrgyz makal, lakap, uchkul sozdory / jyinagan: M. Ibragimov; jooptu red.: K. Konkobaev., 640. Bishkek.
4. Mukasheva, R. M. (2018). Etnokul'turnaia spezfika manifestatsii gendernyh razlichii v politicheskom diskurse (na materiale publichnykh vystuplenii kyrgyzskikh i frantsuzskikh politikov)., 200. Moscow.
5. Ploskikh, V. M., Djoldocheva, J., & Mamytov, S. (2002). Kurmandjan Datka – tsaritsa Alaia. M. Rudova. (tran. from kirghiz)., 136. Bishkek: Sham.
6. Timofeeva, D., & Yntymakov, A. (2019). “Nujny pokoleniia, chtoby izmenilis stereotypy”. Gotoby li kyrgyzstanki k politicheskoi aknivnosti. Retrieved from <https://www.currenttime.tv/a/kyrgyzstan-women-rights/30242894.html>

Информация об авторе

Мукашева Рахат Мукамбетовна – канд. филол. наук, и. о. доцента Дипломатической Академии МИД КР им. К. Дикамбаева, Бишкек, Кыргызская Республика

Information about the author

Rahat M. Mukasheva – candidate of philological sciences, acting associate professor of Diplomatic Academy MFA KR named after K. Dikambaev, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Зависимость между грамматическим строем языка и стратегиями языкового мышления

DOI 10.31483/r-86032

УДК 130.121.4

Савицкая Е.В.

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»,
Самара, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-4630-7521>, e-mail: lampasha90@mail.ru

Резюме: В статье рассматривается вопрос о том, как грамматический строй языка определяет структуру предложения и влияет на стратегию языкового мышления. Характеризуются стадии исторического развития языков (инкорпоративная, эргативная, номинативная) и зависимость между строем предложения и строем мышления носителей языка. Отмечается, что общий падеж подлежащего – еще не показатель того, что англосаксы чувствуют себя инициативными строителями и властителями своей судьбы, кузнецами своего счастья и т. п. Общий падеж в одинаковой мере выражает как успех, так и провал, как активность, так и пассивность, как своеволие, так и покорность судьбе. В наше время на Земном шаре сосуществуют языки всех трех типов. При этом языками первых двух типов пользуются не только культурно отсталые, но и цивилизованные народы. Но это не означает, что цивилизованные носители таких языков мыслят архаически.

Методы и выводы. На основе контрастивного анализа языкового материала – английских личных и русских безличных морфосинтаксических конструкций – в статье делается вывод: нет прямой корреляции между характером народа и структурой предложения. Также отмечается, что связь мышления и грамматики состоит не в этом, а в выборе стратегий мышления, исходящих из возможностей грамматики данного языка.

Ключевые слова: аналитический строй языка, синтетический строй языка, языковое мышление, стадии языкового развития, семантическая роль.

Для цитирования: Савицкая Е.В. Зависимость между грамматическим строем языка и стратегиями языкового мышления // *Этническая культура*. – 2020. – № 3 (4). – С. 35-39. DOI:10.31483/r-86032.

Dependency Between Grammatical Structure of Language and Verbal Thinking Strategies

Ekaterina V. Savitskaya

FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education",
Samara, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-4630-7521>, e-mail: lampasha90@mail.ru

Abstract: The article contains a discussion of how the grammatical structure of a language determines sentence structure and affects verbal thinking strategy. The stages of languages' historic development (incorporative, ergative, nominative) and the relationship between sentence structure and native speakers' thinking are characterized. The common case of the grammatical subject of a sentence does mean that Anglo-Saxons regard themselves as their own fortune's active makers and masters. The common case equally expresses success and failure, activity and passivity, self-will and conformity. Nowadays, languages of all the three types coexist on the Globe. The languages of the first two types are used not only by primitive peoples but also by civilized nations. But this does not mean that civilized speakers think archaically.

Methods and conclusions. Contrastive analysis of language material (English personal and Russian impersonal morphosyntactic constructions) enables the author to conclude: there is no direct correlation between national character and sentence structure. The connection between thinking and grammar does not consist in this; it consists in the choice of thinking strategies based on the grammatical potential of the language under discussion.

Keywords: analytical structure of language, synthetic structure of language, verbal thinking, stages of language development, semantic role

For citation: Savitskaya E.V. (2020). Dependency Between Grammatical Structure of Language and Verbal Thinking Strategies. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 35-39. (In Russ.) DOI:10.31483/r-86032.

Введение

«В то время как число слов языка представляет объем его мира, грамматический строй языка дает нам представление о внутренней организации мышления», – указал В. фон Гумбольдт [3, с. 345]. Связь между организацией мышления и строем языка стала предметом нашего анализа.

По А.Ф. Лосеву [4], в ходе культурно-исторического развития языковое мышление проходит ряд стадий; каждой из них соответствует определенный грамматический строй языка. Для каждого строя языка характерен свой тип предложения. В ходе эволюции человеческого мышления языки проходили инкорпоративную, эргативную и номинативную стадии.

Инкорпоративная стадия – самая ранняя из них. В древнейшие времена человек, с его слабо развитым

его, еще не умел отчетливо противопоставлять себя окружающему миру. Мир (внешний феномен) и картина мира (феномен внутренний) были для человека практически тождественны. Отсюда проистекал полисинтетизм грамматического предложения (точнее, прото-предложения, именуемого инкорпоративным комплексом): в его составе субъект еще не выделялся (или, по крайней мере, весьма нечетко выделялся) из реальности как самостоятельная сущность.

На следующей – *эргативной* – стадии субъект уже отчетливо выделялся, но в качестве субъекта выступал не человек. Человек позиционировал себя как орудие в руках субъекта. Вместо *Волка убил охотником* (ср. с русской реликтовой конструкцией *Ивана убило молнией, Избушку занесло снегом, Ветром*

сорвало крышу). В качестве субъекта выступало выраженное соответствующей формой глагола некое «Оно» – сверхъестественное существо, причина и инициатор всего происходящего в мире. В частности, «Оно» убило Ивана молнией, а волка – охотником. Охотник мыслился не как инициатор действия, а как инструмент инициатора (божества, демона, идола и т. п.). Люди еще не чувствовали себя хозяевами мира – слишком слабы и беспомощны они были перед природными стихиями в древние времена.

Наконец, на *номинативной* стадии развития мышления и языкового строя человек, добившись успехов в покорении сил природы, ощутил себя хозяином жизни и инициатором действий. Образно говоря, человек ссадил божество с престола и уселся на него сам. В морфологии языка возник самостоятельный, независимый падеж существительного – *номинативный*. Он противопоставлен косвенным падежам в том отношении, что он не управляется глаголом. В синтаксисе возникло «гордое» подлежащее, существующее само по себе и диктующее сказуемому лицу, число и грамматический род.

Теоретическая база

В XX – XXI веках появился целый ряд исследований, в рамках которых делались попытки увязать особенности грамматического строя языка со спецификой менталитета народа. Так, А. Вежбицкая [1; 2], К. Годдард [11], С.Г. Тер-Минасова [6], Ю.В. Чернавская [9] утверждали: в английском предложении подлежащее выражено именем существительным в *номинативном* падеже, передающем семантическую роль «агенса», что, по их представлению, говорит об активности, инициативности, самостоятельности англосаксов – покорителей мира, хозяев судьбы и кузнецов своего счастья. Согласно этому тезису, такой строй языкового мышления стимулирует активную деятельность и помогает добиваться жизненного успеха.

По контрасту утверждалось, что в русском языке обилие безличных и неопределенно-личных конструкций с *нуль-подлежащим* или с *подлежащим* в *косвенном* падеже говорит о пассивности носителей русского языка, фатализме, покорности судьбе и неспособности выступать в качестве хозяев жизни. В порядке подтверждения приводились парные примеры типа англ. *Wow, I did it!* (букв. «Вау, я сделал это!») и рус. *Ура, у меня получилось!* Подчеркивалось: англосакс сделал дело, а у русского оно как бы «само» получилось. Это различие прослеживалось при описании не только действий, но и состояний. Ср. англ. *John feels sad* (букв. «Джон ощущает грусть») и рус. *Ивану грустно*. Англосакс – субъект душевного состояния (имя актанта стоит в *номинативе*), а русский – скорее его объект: душевное состояние пришло к нему извне, помимо его воли, о чем говорит *дативная* форма имени актанта.

Такие утверждения лишь на первый взгляд кажутся убедительными. Более тщательный анализ позволяет увидеть шаткость подобной аргументации. Мы имеем возражения против вышеприведенного тезиса.

Материал и методы исследования

Материалом анализа в нашей работе стали английские личные конструкции с глаголом в активном залоге, сопоставлявшиеся с русскими безличными конструкциями методом контрастивного анализа. Сопоставление показало: английская личная конструкция предложения с глаголом в активном залоге *не* носит сугубо *агентивный* характер. Агенса – это деятель (сознательный инициатор действия). Данная семантическая роль входит в падежный фрейм *только* акциональных глаголов (глаголов действия). Однако в английском предложении подлежащее сочетается не только с акциональными, но и с любыми другими глаголами и выражает не только

– агенса (John made «Джон сделал»), но и все другие семантические роли:

– пациенса, т. е. претерпевающий (John underwent «Джон подвергся»);

– адресата, т. е. получающий (John received Джон получил);

– статива, т. е. пребывающий в состоянии (John slept «Джон спал»);

– релятива, т. е. состоящий в отношении (John belonged «Джон принадлежал»);

– экспериенсера, т. е. ощущающий (John felt «Джон ощущал») / воспринимающий (John heard «Джон слышал»);

– локанта, т. е. находящийся где-то (John was inside «Джон был внутри»);

– локатива, т. е. вмещающий (How many secrets did she keep tucked deep inside her? «Сколько тайн хранила она глубоко в себе?») [13, p. 128]) и др.

Этот факт *не* позволяет утверждать, что высокая речевая частотность конструкции с подлежащим в общем падеже при глаголе в активном залоге свидетельствует об активном, деятельном характере англосаксов. Англосаксы и вправду деятельные, но это – экстралингвистический факт; вызывает сомнения существование причинно-следственной связи между этой чертой характера народа и этой грамматической конструкцией. Есть основания утверждать, что она частотна *не* поэтому, а потому, что английская грамматика, с ее бедным флексийным фондом, не допускает почти никаких других падежных форм подлежащего – в частности, формы датива. У английского существительного простота нет датива, а потому нет и *дативной* конструкции.

Английское подлежащее стоит *не* в *номинативном*, а в *общем* падеже, принципиально отличающемся от *номинативного*. Поскольку английское имя существительное в наши дни имеет лишь 2 падежа (общий и притяжательный), общий падеж (иногда с предлогом) вынужденно выражает *все* падежные значения, в ряде случаев выражая даже *посессивность* (The slave belonged to his master «Раб принадлежал господину»), которая обычно выражается формой притяжательного падежа. Именно по этой причине данный падеж именуют *общим*.

По-русски можно сказать *Ивана зашатало*, потому что форма *аккузатива* (*Ивана*) передает семантическую роль «пациенса», а глагольная форма третьего лица сред-

него рода ед. числа (*зашатало*) подразумевает нуль-подлежащее в семантической роли «агенса». В английской же грамматике такая конструкция просто невозможна, т. к. у существительного нет аккумулятива, у глагола нет рода, а в прошедшем времени нет лица. Английская морфология сравнительно бедна, поэтому большую роль играет синтаксис – в частности, позиция подлежащего, приобретающая функциональный универсализм.

Мысль о том, что кого-то зашатало, англосаксы вынуждены выражать так: *John staggered* («Джон зашатался»). Перед нами форма не номинативного и не аккумулятивного, а общего падежа, и Джон – не деятель, а носитель состояния, который в данной ситуации лишен агентивности. Его агентивность – иллюзия, навеянная тем фактом, что его имя стоит в позиции подлежащего и не имеет флексии косвенного падежа. Но этот факт не говорит об агентивности Джона. Нельзя задать вопрос *What did John do?* («Что сделал Джон?») и ответить: *He staggered* («Он зашатался»), поскольку *staggered* («зашатался») – не действие. Джон ничего не сделал; с ним что-то произошло: *What happened to John?* – *He staggered* («Что случилось с Джоном? – Он зашатался»). Джон здесь – пассивная сторона, в какой бы форме ни стояло его имя. Это не вопрос особенностей менталитета народа; это вопрос возможностей грамматики языка.

Подчеркнем: конструкций типа *У меня не вышло* в английском языке нет *не* потому, что англосаксы – хозяева своей судьбы, а потому, что у английского существительного нет косвенных падежей, кроме притяжательного (а по мнению ряда ученых, нет и его). Они вынуждены во всех случаях использовать форму общего падежа: *У меня не вышло – I failed*. Английская конструкция ничуть не «агентивнее» русской: ведь тот, кто провалил дело, – не хозяин судьбы. Как видим, причина носит не культурный, не психологический, а лингвистический характер: это дефицит падежных форм, влекущий за собой функциональный универсализм общего падежа.

Если бы англосаксы, строя свою речь, намеренно ставили подлежащее в номинативную форму при наличии альтернативных форм (косвенных падежей), можно было бы говорить о гордом духе народа – хозяина мира, выбирающего номинатив как средство обозначения самого себя и предпочитающего его всем другим формам. Но в английском языке практически нет такой альтернативы, нет других форм, а значит, нет и выбора. Любому падежу русского имени существительного соответствует общий (не номинативный!) падеж английского существительного: Ивана (родительный) нет дома – *John (общий) is out*; Ивану (дательный) снится – *John (общий) dreams of*; Ивана (винительный) трясет – *John (общий) shakes*; над Джоном (творительный) издеваются – *John (общий) endures bullying* и т. д.

Результаты исследования и их обсуждение

Как видим, носители английского языка обо всем говорят в общем падеже. Ничего другого им не остается – ведь, как упоминалось, у английского имени существительного нет косвенных падежей, кроме притяжательного (а возможно, нет падежей вообще). Мы

полагаем, что дело здесь не в менталитете английского народа, а в строе английского языка. По логике вещей, в любом языке, который характеризуется дефицитом падежных форм, дело обстоит так же, какому бы народу с каким бы менталитетом этот язык ни принадлежал.

Общий падеж подлежащего – это еще не показатель того, что англосаксы чувствуют себя инициативными строителями и властителями своей судьбы, кузнецами своего счастья и т. п. Общий падеж в одинаковой мере выражает как успех, так и провал, как активность, так и пассивность, как своеволие, так и покорность судьбе.

В наше время на Земном шаре сосуществуют языки всех трех типов – инкорпоративного, эргативного, номинативного. При этом языками первых двух типов пользуются не только культурно отсталые, но и цивилизованные народы. Но это не означает, что цивилизованные носители таких языков мыслят архаически (это было бы противоречием в терминах). Архаические черты этих языков давно уже стали условностью, не мешающей мыслить современно вопреки употреблению архаических языковых форм. На глубинном уровне языкового мышления носители таких языков думают цивилизованно и лишь на поверхностном уровне оформляют мысль на старинный лад.

Как показали итоги изысканий в области универсальной грамматики, генеративной семантики и семантического синтаксиса, грамматики языков мира обладают семантическим инвариантом, который может быть описан, в частности, в виде системы семантических ролей, но только не филлморовской [7; 8], которая зависит от характера семантики английских глаголов, а скорее груберовской [12], которая носит долексический характер и определяется не семантикой глаголов того или иного отдельно взятого языка, а ролевой структурой обозначаемой ситуации независимо от языка. Носители разных языков передают одни и те же грамматические значения с помощью неодинаковых грамматических форм.

Отсюда следует: прогрессивный строй мышления, ставящий субъекта во главу угла и позиционирующий человека (а не божество) в качестве господина положения и хозяина жизни – свойствен современным цивилизованным людям, и он по большей части не зависит от типа грамматики их языков (хотя какое-то реликтовое влияние может в малой мере сохраняться). Мышление (вещь подвижная) опередило грамматику (вещь довольно консервативную). Говоря по-старому, современные люди мыслят по-новому. По нашим наблюдениям, не существует жесткой обусловленности строя мышления строем языка. Этот тезис находится в русле умеренной версии гипотезы Сепира – Уорфа.

Люди не могут всё время подгонять грамматику своего языка под быстрое развитие своего мышления, поскольку в этом случае нарушилось бы динамическое равновесие между изменчивостью и устойчивостью языка; язык утратил бы способность выполнять коммуникативную функцию, потому что конвенции, необходимые для общения, не успевали бы устанавливаться во всенародном масштабе. Возникло бы «вавилонское столпотворение» взаимного непонимания. Поэтому в языке сохраняется немало атавизмов; но они в целом не мешают языку нормально функционировать.

Отвечая на вопрос о том, как связаны строй языка и языковое мышление народа, нужно учитывать, что народы и языки *не* изолированы друг от друга, что они образуют гиперэтнические общности. Не следует увязывать одну черту грамматики языка с ментальностью одного народа. Так иногда поступала А. Вежбицкая. По ее мнению, английская личная форма John wants «Джон хочет» подразумевает: данный субъект контролирует собственное интенциональное состояние и берет на себя ответственность за него, тогда как русская безличная конструкция *Ивану хочется* подразумевает, что субъекту неподконтрольно его интенциональное состояние (не Иван хочет, а оно «само» хочется), а значит, англосаксам свойственна самодисциплина и ответственность, а русским – недисциплинированность и безответственность [2, с. 69–70]. Такой вывод зовется в логике ошибкой поспешного обобщения. Выше мы показали, что никакой «самостоятельности» общий падеж не имплицитует.

По нашему мнению, чтобы добиться достоверности выводов, следует отказаться от атомарного подхода и осуществлять глобальный подход. Нужно рассмотреть определенный тип менталитета, присущего группе народов, и попытаться найти причинно-следственную связь с языками этих народов. Укладываются ли эти языки в определенный тип? Если окажется, что да, тогда появляются основания для утверждения о взаимовлиянии типа ментальности и типа языка. И наличие этой связи надо доказывать на обширном эмпирическом материале, не ограничиваясь декларациями о причинной связи единичного языкового факта и единичной черты этнического менталитета.

Например, сомнительным выглядит утверждение о том, что стремление англосаксов к свертыванию сложных предложений в лаконичные простые предложения, совершаемому в соответствии с законом языковой экономики, свидетельствует о бережливости англосаксов, проявляющейся при ведении хозяйства. Об экономности как черте характера англичан, по М. Дейчбейну, говорит и упразднение косвенных падежей в английском языке [10, S. 183]. Такого рода недостаточно обоснованные высказывания в логике именуется правдоподобными рассуждениями.

Прежде чем объяснять то или иное языковое явление психологическими и / или культурными причинами, следует тщательно проверить, не обусловлено ли оно собственно лингвистическими причинами. Лишь если лингвистических объяснений не найдено, можно с осторожностью выдвигать психологические и культурологические предположения. Эта методологическая установка пребывает в соответствии с известным методологическим принципом, гласящим: сущностей не следует умножать сверх необходимости [5, с. 140].

Выводы

Сказанное подводит к выводу: вопреки мнению ряда лингвистов, широкая распространенность в английской речи предложений с подлежащим в общем падеже при глаголе в активном залоге *не* свидетельствует об агентивности английского языкового мышления, якобы проистекающей из инициативности и активности англосаксов. Специфика английского языкового мышления состоит не в агентивности подлежащего, а в использовании подлежащего в общем падеже для выражения *всех* семантических ролей (в отличие, например, от русского языка, в котором разным семантическим ролям соответствуют разные падежные формы существительного). Этот факт обусловлен не особенностями англосаксонского менталитета, а спецификой морфологии английского имени существительного.

Носители английского языка, как и все цивилизованные народы, четко различают семантические роли на «глубинном» (семантическом) уровне. Но на «поверхностном» (синтаксическом) уровне, за неимением развитой падежной системы, англосаксы выражают семантические роли одной и той же формой общего падежа, занимающей позицию подлежащего, *подразумеваемая* ту или иную семантическую роль. В этом состоит одна из стратегий английского языкового мышления. Но прямая корреляция между менталитетом народа и строем языка *не* прослеживается.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Семантика грамматики [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Изд-во РАН, 1992. – 32 с.
2. Вежбицкая А. Русский язык [Текст] // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 33–88.
3. Гумбольдт, В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития [Текст] // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 307–354.
4. Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления [Текст] // А.Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 280–407.
5. Оккам У. Сущее, сущность и существование // У. Оккам. Избранное. – М.: Едиториал URSS, 2002. – С. 136–144.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 146 с.
7. Филлмор Ч. Дело о падеже [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369–495.
8. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 496–530.
9. Чернавская Ю.В. Народная культура и национальные традиции [Текст] / Ю.В. Чернавская. – Минск: Беларусь, 2000. – 421 с.
10. Deutschbein M. Grammatik der Englischen Sprache auf Wissenschaftlicher Grundlage [Text]. – Leipzig: Quelle & Meyer, 1953. – 264 S.
11. Goddard C. Meaning and Universal Grammar – Theory and Empirical Findings [Text]. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2002. – 337 p.

12. Gruber J.S. Studies in Lexical Relations [Text]. – Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1970. – 224 p.
 13. Jump Sh. The Sweetheart Rules [Text]. – N.Y.: Berkley Publishers, 2014. – 304 p.

References

1. Wierzbicka, A. (1992). The Semantics of Grammar., 32. Moscow: Russian Academy of Sciences.
2. Wierzbicka, A. (1996). Russian Language. A. Wierzbicka. Yazyk. Kul'tura. Poznanie, 33-88. Moscow: Russkie slovari.
3. W. von Humboldt (1984). On the comparative study of language and its relation to the different periods of language development. W. von Humboldt. Izbrannye trudy po yazykoznaniju [Selected works on linguistics], 307-354. Moscow: Progress.
4. Losev, A. F. (1982). On types of grammatical sentences in connection with the history of thinking. Losev A.F. Sign. Symbol. Myth. Works on linguistics., 280-407. Moscow: Moscow State University.
5. Okkam, U. (2002). Sushchee, sushchnost' i sushchestvovanie. U. Okkam. Izbrannoe, 136-144. Moscow: Editorial URSS.
6. Ter-Minasova, S. G. (2000). Language and Intercultural Communication., 146. Moscow: Slovo.
7. Fillmore, C. (1981). The case for case. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, Vol. X, 369-495. Moscow: Progress.
8. Fillmore, C. (1981). Delo o padezhe otkryvaetsia vnov'. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, Vol. X. 496-530. Moscow: Progress.
9. Chernavskaya, Yu. V. (2000). Narodnaya kul'tura i natsional'nye traditsii., 421. Minsk: Belarus'.
10. Deutschbein, M. (1953). Grammatik der Englischen Sprache auf Wissenschaftlicher Grundlage., 264. Leipzig: Quelle & Meyer.
11. Goddard, C. (2002). Meaning and Universal Grammar – Theory and Empirical Findings., 337. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins.
12. Gruber, J. S. (1970). Studies in Lexical Relations., 224. Bloomington: Indiana University Linguistics Club.
13. Jump, Sh. (2014). The Sweetheart Rules., 304. N.Y.: Berkley Publishers.

Информация об авторе

Савицкая Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.

Information about the author

Ekaterina V. Savitskaya – candidate of philological sciences, associate professor of FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation.

Этноспецифика культурных кодов

DOI 10.31483/r-86172

УДК 316.334:159

Савицкий В.М.

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»,
Самара, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-2277-925X>, e-mail: savitskij@pgsga.ru

Резюме: В статье сопоставляются и анализируются определения понятия «культурный код», предлагаемые отечественными и зарубежными лингвистами и семиологами. Вычленяются и описываются аспекты этого понятия. Кратко характеризуются функции культурных кодов – регулятивная, семиотическая, ретрансляционная. Выявляется соотношение понятий «культурный код» и «картина мира». Приводится авторское толкование понятия «культурный код», выявляется этническая специфика культурных кодов, описываются ее факторы, а также участие культурных кодов в формировании этнического менталитета; демонстрируются расхождения в осмыслении окружающей действительности, обусловленные разницей в используемых культурных кодах. Отмечается, что роль культурного кода способна выполнять любая воспринимаемая органами чувств область действительности: пейзажи, явления природы, фауна, флора, артефакты, то есть творения человеческих рук (хозяйственная утварь, орудия труда, оружие, предметы одежды, жилище и др.) и действия с перечисленными предметами. Всё это рассматривается в статье как языки мышления и общения.

Методы. Анализ культурных кодов проведен с применением методов кросс-культурного анализа и межъязыкового сопоставления на материале английских и русских образных оборотов речи.

Вывод. Сделан вывод о влиянии культурных кодов на выбор исторического пути и – в конечном счете – на судьбы народов.

Ключевые слова: культурный код, картина мира, внутренний код, внешний код, этнокультура, этнический менталитет, языковое мышление.

Для цитирования: Савицкий В.М. Этноспецифика культурных кодов // *Этническая культура*. – 2020. – № 3 (4). – С. 40-44. DOI:10.31483/r-86172.

Ethnic Specificity of Cultural Codes

Vladimir M. Savitskij

FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education",
Samara, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-2277-925X>, e-mail: savitskij@pgsga.ru

Abstract: The author compares and analyzes some definitions of the concept of cultural code offered by Russian and foreign linguists and semiologists. Aspects of this concept are singled out and described. Regulatory, semiotic and retransmitting functions of cultural codes are briefly characterized. The relationship between the concepts of cultural code and picture of the world is revealed. The author's interpretation of the concept of cultural code is given, the ethnic specificity of cultural codes is revealed, its factors are described, participation of cultural codes in forming ethnic mentality is demonstrated. The author shows discrepancies in understanding reality due to the difference in the cultural codes used and points out that the role of cultural code can be performed by any perceptible area of reality: landscapes, natural phenomena, fauna, flora, artifacts (household utensils, tools, weapons, garments of clothes, dwelling places etc.) and actions with the listed items. All this is regarded in the article as semiotic means of thinking and communication.

Methods. The analysis of cultural codes was carried out by using the methods of cross-cultural analysis and interlingual comparison on the material of English and Russian metaphoric set phrases.

Conclusion. The conclusion is made concerning the influence of cultural codes on the choice of the path of historic development and, ultimately, on the fates of nations.

Keywords: cultural code, picture of the world, inner code, outer code, ethnic culture, ethnic mentality, verbal thinking.

For citation: Savitskij V.M. (2020). Ethnic Specificity of Cultural Codes. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 40-44. (In Russ.) DOI:10.31483/r-86172.

Введение

Название *культурный код*, как и другие термины, вошедшие в моду, в последние годы стали употреблять многие: не только ученые, но и публицисты, философствующие эссеисты, тянувшиеся за ними чиновники и др. Происходит размывание понятия, которое в трудах семиологов XX века было достаточно четким и ясным. Авторы, использующие этот термин всуе, не всегда способны отчетливо сформулировать, что они подразумевают под ним. Ср.: «Культурные коды – (это) глубинный смысл конкретного процесса, феномена или какого-либо предмета, относящегося к той или иной форме культуры и отражающей ее своеобразие в восприятии представителями данной культуры общности самых значимых характерных черт» [3, с. 8]. Понять смысл этой головоломки нелегко.

Культурный код – многогранное явление; его определения и толкования, встречающиеся в философских, культурологических и лингвистических трудах, отражают разные его грани. Существуют определения, которые сосредоточены на *регулятивной* функции культурных кодов, например: «Культурные коды – это упорядоченное множество взаимосвязанных предписаний, ограничений, стандартов и установок по отношению к различным видам деятельности..., центральное звено которых составляет множество знаков (символов), смыслов и их комбинаций» [1, с. 34]. Хотя в этом определении отмечен семиотический аспект кодов, всё же упор сделан на то, что культурные коды являются прежде всего программами человеческого поведения.

На наш взгляд, не следует недооценивать то обстоятельство, что коды – в первую очередь системы знаков;

в противном случае упомянутые программы поведения можно описывать, используя психологические или социологические понятия и не прибегая к семиотическому понятию «код».

В других определениях, напротив, делается акцент на *семиотическом* характере кодов: «Культурный код – это совокупность знаков и система правил, при помощи которых информация представлена в виде набора этих знаков для передачи, обработки, хранения» [5, с. 241]. Но это характеристика любого, а не только культурного кода. Это слишком широкое определение.

Существуют и такие дефиниции культурного кода, в которых он предстает как *ретранслятор культурной информации*, например: «Культурный код – способ передачи знаний о мире, навыков, умений в данной культурной эпохе» [7, с. 105]. Ср. также: «Культурный код – способ сохранения и трансляции культурной... памяти» (Р. д'Андрад; цит. по: [8, с. 167]). Уточним: способами передачи знаний, умений и навыков служат обучение и воспитание, тогда как код, будучи знаковой системой, служит не способом, а средством их передачи. С такой поправкой, на наш взгляд, эту характеристику культурного кода можно принять, но ее нельзя назвать дефиницией, так как в ней упомянут лишь один признак из набора категориальных признаков культурного кода.

Встречаются и такие определения, в которых понятие «культурный код» максимально сближается с понятием «картина мира», например: «Культурные коды – (это) вторичные знаковые системы, использующие разные средства для кодирования содержания, сводимого к картине мира» [10, с. 7]. Ср. также: «Культурный код – это совокупность культурных представлений о картине мира того или иного социума» [9, с. 20–21]. «Код культуры – это макросистема характеристик объектов картины мира; понятийная сетка, использующую, носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры» [6, с. 232]. В подобных определениях на первый план выдвигается когнитивный аспект явления. Из них следует, что код культуры – это знаковый носитель картины мира или даже сама картина мира. В первом случае эта характеристика, в целом верная, всё же не дотягивает до дефиниции, т. к. в нее включен лишь один категориальный признак определяемого объекта, а во втором случае термин *культурный код* дублирует термин *картина мира*.

Опираясь на приведенные трактовки и принимая во внимание языковой аспект явления, в дальнейшем мы будем рассматривать культурные коды как многочисленные, взаимопересекающиеся, пронизывающие текст, порой трудно уловимые, но реально существующие, словесно выраженные темы, мотивы, которые выполняют знаковую (символическую) функцию в процессе общения.

Культурные коды обладают этноспецификой. Обратимся к вопросу об их связи с этническим менталитетом. Как верно указал Д.И. Дубровский [4], коды, которые применяет субъект в своем языковом мышлении, подразделяются на внутренние и внешние. Внутренние коды являют собой близкие для данного субъекта коды;

на них он формирует свои мысли, а на внешних кодах он лишь словесно оформляет их, переводит их с внутреннего на внешний код.

В роли внутреннего кода выступает главным образом родной этнический язык субъекта. Но, на наш взгляд, в число внутренних кодов можно включить и тот культурный код, который более всего близок субъекту из-за его классовой, сословной, профессиональной, религиозной и иной принадлежности. Субъект смотрит на весь окружающий мир сквозь призму наиболее привычной для него сферы бытия, делая ее моделью мира и культурным кодом.

Материал и методы исследования

Иллюстрируя этот тезис, кратко охарактеризуем ряд английских и русских культурных кодов, пользуясь в этих целях методами кросс-культурного анализа и межязыкового сопоставления.

Военнослужащий, даже рассуждая о мирных вещах, склонен употреблять обороты из военного лексикона:

- to stand to one's ground «отстаивать свои позиции»;
- to gain a foothold «закрепиться на плацдарме»;
- to beat a retreat «отступить в боевом порядке»;
- to stick to one's guns «занять оборону»;
- to break through «пойти на прорыв»;
- to close ranks «сомкнуть свои ряды»;
- to be in a siege «быть в осаде» etc.

Тот, кто по долгу службы связан с *денежными расходами*, использует профессионализмы в значениях, выходящих за рамки финансовой сферы:

- to make a discount «сделать скидку (на что-л.)»;
- to square accounts (with smb.) «свести счёты»;
- to balance the accounts «подвести баланс»;
- to debit a loan «свести дебет с кредитом»;
- to sum up the outcome «подбить итог»;
- to pay the bills «платить по счетам» etc.

Кто возвращается в *криминальных кругах*, усваивает арготизмы, которые он затем применяет в любом дискурсе, способствуя их распространению. Ниже в качестве примеров приводятся английские арготизмы, вышедшие за пределы общения в преступной среде, и их приблизительные русские эквиваленты:

- to have a go (on smb.) ≈ наехать (на кого-л.);
- watch your chitchat ≈ следи за базаром;
- to bump smb. up ≈ замочить кого-л.;
- to be on the dot ≈ забить стрелку;
- bigtime ≈ крутой, в авторитете;
- dead duck ≈ облом;
- scam ≈ лохотрон;

Результаты исследования и их обсуждение

Наряду с профессионально-сословным фактором на создание культурных кодов оказывает влияние этнокультурный фактор. Согласно Л.Н. Гумилеву [2], этнический менталитет формируется в определенных природных условиях и геополитическом окружении, определяется основным традиционным способом производства, историческими событиями и другими обстоятельствами жизни народа. Всё перечисленное откладывается в исторической памяти, фиксируется в этнокультуре и ложится в основу национального строя

мышления, выступая в качестве совокупности культурных кодов.

Функцию культурного кода способна выполнять любая воспринимаемая органами чувств область действительности: пейзажи, явления природы, фауна, флора, артефакты, то есть творения человеческих рук (хозяйственная утварь, орудия труда, оружие, предметы одежды, жилище и др.) и действия с этими предметами. Всё это – языки мышления и общения. Приведем примеры.

Наполеон Бонапарт дал жителям Великобритании ироническое прозвище *la nation des boutiquiers* – *франц.* «нация лавочников» (см [14, p. 158]). Адам Смит [15] подхватил эту характеристику, создал английскую кальку прозвища (*the nation of shopkeepers*) и, заступаясь за своих соотечественников, истолковал его в позитивном ключе. Э. Фромм [12] дал типичному англосаксу название «экономический человек» (*economic man*). Психология этого социокультурного типажа базируется на *меркантилизме*; он склонен оценивать и измерять весь мир в денежном исчислении. Он видит мир сквозь монетарную призму. Данная черта англосаксонской ментальности отражена в английских штампах и клише.

1. Надежность человека уподоблена надежности respectableного финансового учреждения (*He is as reliable as the Bank of England* – надежен как Английский банк), а ненадежность – дензнаку несуществующего номинала (*He is as phony as a three-dollar bill* – фальшив как трехдолларовая купюра).

2. Эталон стабильности и благополучия – твердая валюта (*He is as sound as a pound / as safe as a dollar* – устойчив как фунт / доллар).

3. В деньгах оценивается и честность человека (*I'd lend him a million and take no voucher* – Я бы дал ему в долг миллион без расписки); мошенник уподобляется фальшивой монете (*a bad penny* – фальшивый пенс).

4. Дельность человека оценивается очень дорого (*He is worth his weight in gold* – Он ценится на вес золота); никчемность не обладает стоимостью (*He isn't worth a twopence* – Он не стоит и двухпенсовой монетки).

5. Отличное самочувствие тоже выражается в деньгах (*I feel like a million dollars* – Чувствую себя на миллион долларов).

6. Столько же стоит и красивая внешность (*She looks a million bucks* – Она выглядит на миллион баксов).

7. В эту же сумму оценивается и лучезарность улыбки (*a million-dollar smile* – улыбка на миллион долларов).

8. Важность темы тоже оценивается в миллион (*a million-dollar issue* – вопрос на миллион долларов); не слишком важная тема оценивается значительно дешевле (*a sixty-four dollar issue* – вопрос на шестьдесят четыре доллара).

9. Если англосакс не может разгадать заданную ему загадку, он готов платить за ответ (*I'll buy it* – *букв.* Покупаю, *перен.* Скажи ответ).

10. Чужие мысли ценятся дешево (*A penny for your thought* – *букв.* Плачу грошик за твои мысли, *перен.* О чем ты думаешь?).

11. Уверенность в чем-л. выражается готовностью заключить пари на невыгодных условиях (*Dollars to doughnuts* – Ставлю доллары против пончиков).

12. Стоимостью обладает и озабоченность чем-л. (*I care a thousand bucks about it* – Меня это заботит на тысячу баксов). Равнодушие к чему-л. не имеет стоимости (*I do not care a brass farthing about it* – Меня это ни на медный грош не волнует).

13. Деньгами измеряется и уровень интеллекта (*penny wise and pound foolish* – умен на грош, глуп на фунт стерлингов; *golden brains* – золотая голова, умник).

14. Социальное общение образно репрезентируется как торжище (*the vanity fair* – ярмарка тщеславия; *the Forsyte exchange* – форсайтская биржа).

Такого рода примеров из английской культуры можно привести немало. Англосаксам свойственно отражать действительность с помощью описанного выше «коммерческого» культурного кода.

В отличие от представителей англосаксонской культуры, русские мыслят мир в значительной мере в категориях *войны*. Приведем примеры.

1. Надежность / ненадежность человека русские оценивают не в торговых, а в боевых терминах: *Я бы с ним в разведку пошел / не пошел*.

2. Военный, а не денежный характер носит и оценка внешности (*пленительная красота* от *пленить* «взять в плен»; *страшнее атомной войны* «безобразная»).

3. Если русский не может разгадать заданную ему загадку, то он не платит, а идет в плен (*Сдаюсь*).

4. Желая узнать чужую мысль, русский не покупает ее, а прибегает к допросу (*Колись*).

5. Выражая уверенность, русский, как и англосакс, бьется об заклад, но ставка – не деньги, а жизнь (*Даю голову на отсечение*).

6. Представитель русской культуры склонен осмысливать даже сугубо мирные области общественного бытия в военных терминах, что отражено в ряде клише: *биться за повышение производительности труда; осаждать бастионы неприступной красавицы; вести подкоп под моральные устои общества; ломать копья (по теоретическому вопросу); скрестить шпаги (с оппонентом в споре); вести войну за души юного поколения; ударники соревнования / учебы / труда; дружно ополчиться на недостатки; завоевать сердце возлюбленной; штурмовать твердыни науки; победа на любовном фронте; дела на семейном фронте; надежный семейный тыл; заложить мину недоверия; определить фронт работ; битва за урожай* (и т. п.).

Этот основанный на развернутой военной метафоре русский культурный код глубоко укоренился в недрах народного менталитета, которые К.Г. Юнг [13] именовал коллективным бессознательным. В соответствии с гипотезой лингвистической относительности, «милитарный» культурный код, участвуя в порождении речи, в ряде отношений определяет специфику русского языкового мышления. Многие из того, что в английской культуре мыслится в терминах экономики, в русской культуре мыслится по-военному.

Выводы

Характер языкового мышления определяет, по Б.Л. Уорфу [11], характер поведения носителей культуры в массовом масштабе. Следуя тем когнитивным паттернам, которые заложены в их языке, англосаксы склонны решать возникающие социальные проблемы путем выработки договоренности, как подобает в

коммерции, тогда как русские проявляют тенденцию к решению аналогичных вопросов силовыми методами, будто они ведут боевые действия. Это различие в определенной степени влияет на выбор исторических путей развития наций. Такой нам представляется роль культурных кодов в жизни социума и в судьбах народов.

Список литературы

1. Аванесова Г.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике [Текст] / Г.А. Аванесова, И.А. Купцова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. статей по материалам XLVII Международной научно-практической конференции (15 апреля 2015 г.). – Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2015. – №4 (47). – С. 28–37.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2019. – 704 с.
3. Демидова Е.Н. Культурные коды в рекламе [Текст] / Е.Н. Демидова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». – 2010. – №3. – С. 8–11.
4. Дубровский Д.И. Понимание как расшифровка кода: Информационный подход к проблемам герменевтики [Текст] / Д.И. Дубровский // Философские основания науки: материалы к VIII Всесоюзной конф. «Логика и методология науки». – Вильнюс: Пяргале, 1982. – С. 128–133.
5. Кравченко А.В. Знак, значение, знание [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск: Иркутская областная типография, 2001. – 260 с.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 282 с.
7. Никишова Т.П. Культурные коды [Текст] / Т.П. Никишова // Теория культуры в вопросах и ответах / ред. Н.Б. Шебаршова. – Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. ун-та, 2007. – С. 105–108.
8. Пашкова Н.И. Культурный код – символический язык культуры [Текст] / Н.И. Пашкова // Язык и культура. Научный журнал Томского гос. ун-та. – 2012. – №3. – С. 167–171.
9. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в системе культуры [Текст] / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры: сб. науч. тр. / ред. В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 13–24.
10. Толстой Н.И. О Словаре «Славянские древности» [Текст] / Н.И. Толстой, С.М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 5–14.
11. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б.Л. Уорф // Зарубежная лингвистика. I. – М.: Прогресс, 2002. – С. 58–91.
12. Фромм Э. Иметь или быть [Текст] / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2015. – 320 с.
13. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное [Текст] / К.Г. Юнг. – М.: АСТ, 2019 – 552 с.
14. O'Meara, B. E. (2015). *Napoleon in Exile* [Text]., 550. Cambridge: Univ. Press.
15. Smith, A. (2011). *The Wealth of Nations* [Text]. Book IV. Section VII., 408. CreateSpace Independent Publishing Platform.

References

1. Avanesova, G. A., & Kupstova A. I. (2015). *Kody kultury: ponimaniye sushchnosti, funktsionalnaya rol v kulturnoy praktike* [Codes of Culture: Comprehension of Their Essence, Their Functional Role in Cultural Practice]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii*, 4 (47), 28-37. *Novosibirsk: Sibirskaya akademicheskaya kniga*.
2. Gumilyov, L. N. (2019). *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]., 704. Moscow: AST.
3. Demidova, E. N. (2010). *Kulturnye kody v reklame* [Cultural Codes in Advertising]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazsky Region. Seriya "Obshchestvennye nauki"*, 3, 8-11.
4. Dubrovsky, D. I. (1982). *Ponimaniye kak rasshifrovka koda: Informatsionny podkhod k problemam germenevtiki* [Understanding as Decoding: An Informational Approach to Problems of Hermeneutics]. *Filosofskiye osnovaniya nauki.*, 128-133. *Vilnius: Pyargale*.
5. Kravchenko, A. V. (2001). *Znak, znachenie, znaniye* [Sign, Meaning, Knowledge]., 260. *Irkutsk: Irkutskaya oblastnaya tipografiya*.
6. Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics]., 282. *Moscow: Gnosis*.
7. Nikishova, T. P. (2007). *Kulturnye kody* [Cultural Codes]. *Teoriya Kultury v voprossakh i otvetakh by Shebarshova, N. B. (red.)*, 105-108. *Orenburg: Orenburg State University*.
8. Pashkova, N. I. (2012). *Kulturny kod – simbolicheski yazyk kultury* [Cultural Code: a Symbolic Language of Culture]. *Yazyk i kultura. Nauchny zhurnal of Tomsk State University*, 3, 167-171.
9. Teliya, V. N. (1999). *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskiye problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v sisteme kultury* [Priority Tasks and Methodological Problems of Praseological Fund Research in the System of Culture]. *Frazeologiya v kontekste kultury by Teliya, V. N. (red.)*, 13-24. *Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury"*.

10. Tolstoy, N. I., & Tolstaya, S. M. (1995). O slovare "Slavyanskiye drevnosti" [About the Slavonic Antiques Dictionary]. Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvistichesky slovar by Tolstoy, N. I. (red.), 5-14. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
11. Whorf, B. L. (2002). Otnosheniye norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language]. Zarubezhnaya lingvistika, I, 58-91. Moscow: Progress.
12. Fromm, E. (2015). Imet ili byt [To Have or to Be]., 320. Moscow: AST.
13. Yung, K. G. (2019). Arkhetipy i kollektivnoye bessoznatelnoye [Archetypes and the Collective Unconscious]., 552. Moscow: AST.
14. O'Meara, B. E. (2015). Napoleon in Exile [Text]., 550. Cambridge: Univ. Press.
15. Smith, A. (2011). The Wealth of Nations [Text]. Book IV. Section VII., 408. CreateSpace Independent Publishing Platform.

Информация об авторе

Савицкий Владимир Михайлович – д-р филол. наук, профессор ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.

Information about the author

Vladimir M. Savitskij – doctor of philological sciences, associate professor of FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation.

On Positive Complementarity in the Context of History of Missionary Work in the Chuvash Region

DOI 10.31483/r-96376

УДК 23/28

Natalya I. Gerasimova^{1,a}, Sergey I. Gerasimov^{2,b}, Svetlana Yu. Drozdova^{3,c}

¹BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic,

²BEI "Cheboksary Secondary Boarding School for Students With Special Educational Needs" of the Ministry of Education of Chuvashia,

³Cheboksary Branch of FSBEI of HE "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", Cheboksary, Russian Federation.

^a <https://orcid.org/0000-0001-7780-0426>, e-mail: w001@list.ru

^b <https://orcid.org/0000-0003-1875-5762>, e-mail: sigarasi@yandex.ru

^c <https://orcid.org/0000-0002-2234-4862>, e-mail: sdrozdova@gmail.com

Abstract: The article explores the reasons why the interaction between Russian and Chuvash culture became possible in the framework of Christian missionary work. *Purpose* of the study is to show that both cultures have positive complementarity.

Methods. Comparative, analytical and descriptive methods were used by the authors. The study is based on the cultural and historical situation, i.e. adoption of Christianity in the Chuvash and Russian culture.

Research results. In the process of research, the authors identified common features that bring the transition to the fold of Christianity in Ancient Russia and the Chuvash culture closer together, despite the thousand-year time distance. In their opinion, the deep assimilation of Christianity by the Chuvash culture is explained by the presence of a certain algorithm that regulated the penetration of the new religion into the pagan environment. The authors define Russian culture as donor culture and Chuvash culture as recipient culture. Christianity became the force thanks to which the Chuvash culture was revived. Before the adoption of Orthodoxy within the framework of its ethnoreligion, it was an immature education that needed to realize its creative potential. The Chuvash culture needed to realize the creative possibilities inherent in it, representing an entity striving to realize itself. Thanks to the Christian enlightenment, the Chuvash culture got this opportunity and successfully implemented it.

Keywords: Chuvash culture, Russian culture, positive complementarity, missionary work, donor culture, recipient culture.

For citation: Gerasimova N.I., Gerasimov S.I., & Drozdova S.Y. (2020). On Positive Complementarity in the Context of History of Missionary Work in the Chuvash Region. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 45-48. DOI:10.31483/r-96376.

О положительной комплиментарности в свете истории миссионерства в Чувашском крае

Герасимова Н.И.^{1,a}, Герасимов С.И.^{2,b}, Дроздова С.Ю.^{3,c}

¹БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии,

²БОУ «Чебоксарская общеобразовательная школа-интернат для обучающихся с ОВЗ»

Минобразования Чувашии,

³Чебоксарский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,

Чебоксары, Российская Федерация.

^a <https://orcid.org/0000-0001-7780-0426>, e-mail: w001@list.ru

^b <https://orcid.org/0000-0003-1875-5762>, e-mail: sigarasi@yandex.ru

^c <https://orcid.org/0000-0002-2234-4862>, e-mail: sdrozdova@gmail.com

Резюме: В статье рассматриваются причины, благодаря которым стало возможным взаимодействие русской и чувашской культур в русле христианского миссионерства. *Цель* работы – выявить причины, благодаря которым в обеих культурах сформировалась положительная комплиментарность по отношению друг к другу.

Методы. Авторами были использованы сравнительный, аналитический и описательный методы. Материалом для исследования послужила культурно-историческая ситуация времени принятия христианства в чувашской и русской культуре.

Результаты исследования. В процессе изысканий авторами были выявлены общие черты, сближающие переход в лоно христианства в Древней Руси и чувашской культуре, несмотря на тысячелетнее временное расстояние. По их мнению, глубокое освоение христианства чувашской культурой объясняется наличием некоего алгоритма, регулировавшего проникновение новой религии в языческую среду. В результате христианство стало той основой, благодаря которой чувашская культура пережила второе рождение. До принятия православия в контексте своей этнорелигии она была хотя и осознающей себя самобытной целостностью, но еще незрелым образованием. Чувашская культура нуждалась в актуализации заложенных в ней творческих возможностей, представляя сущность, стремящуюся реализовать себя. Благодаря христианскому просвещению, чувашская культура получила такую возможность и успешно ее реализовала.

Ключевые слова: чувашская культура, русская культура, положительная комплиментарность, миссионерская деятельность, культура-донор, культура-реципиент.

Для цитирования: Герасимова Н.И. О положительной комплиментарности в свете истории миссионерства в Чувашском крае / Н.И. Герасимова, С.И. Герасимов, С.Ю. Дроздова // *Этническая культура*. – 2020. – № 3 (4). – С. 45-48. DOI:10.31483/r-96376.

Introduction

The process of integration of Christianity into Chuvash culture is of great interest from a cultural point of view. The reason is that this process presupposes that the “donor” culture is oriented towards the “recipient” culture. In this regard, it would be appropriate to use L.N. Gumilev’s terminology. Global cultural restructuring processes, them being unavoidable in the framework of a shifting religious worldview, involve, according to this terminology, the existence of positive complementarity within both cultures in regards to one another. By taking this concept into account, we will try to identify some of the reasons for the occurrence of this phenomenon.

Methods

Comparative, analytical and descriptive methods were used by the authors. The work compares the situation with the transition to the bosom of Christianity of Russian and Chuvash cultures.

Results and its discussion

It would be impossible to talk about the positive complementarity of the Russian culture towards the Chuvash culture (as well as the Chuvash culture in relation to the Russian culture) if they both did not feature some similar algorithms of evolution at different levels. So what does this commonality, which initially seems entirely unthinkable (belonging to different language groups, mentality peculiarities, etc.), manifests itself in?

Baptism in the formative stage of ethnic groups was one of the key factors that defined the course of development of both cultures. Russian culture has embraced Orthodox Christianity indirectly through the other – Byzantine – culture. Byzantium itself and Simeonovskaya Bulgaria were the only two direct ways in which Orthodox Christianity could be introduced into society. For us, it is important to point out that according to scientists, the most important way of permeation of Orthodox Christianity into Ancient Rus was a kindred, Slavic way. Conversely, the Chuvash were not baptised through a related ethnic group, but through the people who formed the foundation of the state of which the Chuvash came to be a part.

Another feature that should be pointed out are the two stratum in the culture of Ancient Rus, that emerged due to the adoption of Orthodox Christianity. G. Florovsky figuratively called these stratum the “day” and the “night” culture. The Byzantine-Christian culture was regarded as the “day” culture. Carried by a literary minority, it “...was a culture of spirit and mind”. Despite its significance, it does not exhaust the entire culture due to being only one part of it. A “second culture” is developing in the subsurface levels, creating a new and distinctive syncretism in which local pagan “experiences” are fused with roaming motifs of ancient mythology and Christian imagination. This second life runs hidden and does not often break through to the historical surface... The “night” culture is one of dreams and imagination” [4, p. 5–6].

It may be assumed that with the adoption of Orthodox Christianity, a similar situation arose in the Chuvash culture. It may be related to the fact that the correlation

between dynamic and conservative tendencies varies at different cultural levels. As a rule, the most active part of an ethnic group constitutes an absolute minority in relation to the rest of the group. It may be assumed that with the adoption of Orthodox Christianity, a similar situation arose in the Chuvash culture. It may be related to the fact that the correlation between dynamic and conservative tendencies varies at different cultural levels. The most active part of an ethnic group is as a rule an absolute minority in relation to the rest of the group, which probably maintains the relative stability of the culture during periods of fracture and fundamental change. The quantitative ratio in such cases does not give a complete picture of the situation. Despite its relatively small share compared to the total number of representatives, it is precisely the creative part of the ethnos that becomes the key to the future of national culture. This collision can be seen not just as a parallelism in the nature of changes in the cultures in question, but also as a kind of kinship between these situations.

Another important feature that makes it possible to draw a parallel between the two cultures in the time of their adoption of Orthodox Christianity is the fact that, along with baptism, both cultures acquired writing and literary language. This was not just a formal process of establishing a normalised form of language, but “...its inner conversion to Christianity and churching, transformation of the element itself...of thoughts and words, ...of the very soul of the people...” [4, p. 6]. Consequently, it can be said that, thanks to the inclusion of language in cultural work, baptism becomes a kind of divide in the history of Russian culture, when there is a separation from the previous pagan traditions and their pushing away “into the underground”.

This factor facilitated the polarization of the culture and the emergence of its two branches, which have been figuratively designated as “day” and “night” culture. The same pattern was observed in the Chuvash culture. In both cases, this process contributed to the emergence of a common ethno-cultural and socio-cultural integrity, which manifested itself in a change in the direction of sub-ethnic aspirations from centrifugal to centripetal. In addition, the translation process itself, which involves penetrating into the very essence of what is being translated, served as a prerequisite for the emergence of a new type of mentality, which has elevated cultures to a fundamentally different level.

Another important feature, as we believe, is that traditionally the Russian people are thought of exclusively as part of the Slavic world. At the same time, the Slavic approach does not exhaust all the peculiarities of Russian culture, and therefore there is an understanding that Eastern influences are a serious factor that must be taken into account both by researchers and state officials who hold the fate of the state in their hands.

The first time Russian-Eurasian problem was posed with all its urgency by representatives of Eurasia. For all the ambiguity of the results of practical activity of the Eurasians, their theoretical conclusions and conjectures based on research in the fields of history, geography, ethnography, art criticism, and linguistics, allow us to discuss the solid basis of their concept “Russia – Eurasia”

and use them as a confirmation of the fact that the Eastern orientation of Russian culture has a valid factual basis. And even the opponents of Eurasianism, with all their skepticism, did not deny it the topicality of the addressed issues. Thus, G. Florovsky, who knew Eurasianism from within and departed from it in the second half of the 20s, wrote in his article "Eurasian Temptation": "We cannot keep silent about the Eurasian truth. But it is necessary to say at once and directly – it is the truth of questions, not the truth of answers, the truth of problems, not of solutions. It so happens that the Eurasians were the first to see more than any others, were not as much able to solve but rather raise lively and acute questions of the day" [3, p. 37].

As for the point of view among researchers, according to which missionary work is merely a method of Russification of non-Russian people, such a statement is not groundless, but only considering one condition: Russification is a transient phenomenon that occurs at a certain point in Russian history, which can in no way diminish the importance of the initiation of the Chuvash into the Christian truth. It should not be forgotten that in any historical period, the best of the Apostles of Orthodox Christianity "separated the mission of the universal cause of Christ from the national Russification objectives" [2, p. 127].

The most striking example of apostolic ministry in the early period of Russian history is the missionary feat of Stefan of Perm, son of a choir brother from Veliky Ustyug, and a contemporary of St. Sergius of Radonezh. The fact that this ascetic was canonized by the Russian Orthodox Church as a missionary – the Enlightener of the Zyryans, serves as proof that the primary objective was to bring the pagans to the faith of Christ. It is important to point out that Russification tasks were not set by Reverend Stefan in any way. "He did not want to connect the baptism of the pagans with their Russification. Nor did he wish to go to them with a Slavic mass, explained by a sermon in the national language. He did for Zyryans that what Cyril and Methodius had done for all of Slavic people. He translated the divine service and the Holy Scriptures (most likely, a part of it) for them. Prior to that, he had to compile the Zyrian alphabet. And the few preserved samples of ancient Perm writings prove that he did not use the Russian or Greek alphabet, but rather the local runes... retreating in this even from the first teachers of Slovene scripture" [2, p. 121].

In the XVIII century, the state began to take a leading role in missionary work. Now (not without the influence

of the ideas of the Protestant West, of course) the society gradually becomes aware of the importance of the native language for the neophytes to understand the Christian truth. Apparently, there was indeed oblivion (or at the very least weakening) of one's own traditions here, which was reflected in a repeated receipt of one's own idea in a form refracted through Western (Protestant) consciousness. Since then, all endeavors in preaching Christianity to foreigners were inevitably connected to the state initiative. The fruit of the state policy was the deployment of a network of elementary schools, a commitment to bring in foreigners who are able to convey Christian teaching to their countrymen in a language they understand, and the education of future Russian priests in local dialects. In particular, according to the data quoted by L.A. Timasov, by the middle of the XIX century "Chuvash language classes were held in Kazan and Simbirsk spiritual seminaries, in the Cheboksary, Kazan, Alaty, Orenburg and Simbirsk spiritual schools" [1, p. 78]. In addition, according to the same author, in 1850 there were 47 rural schools in the Chuvash region, attended by a total of 1500 students. These schools taught the Law of God, reading, penmanship and the four actions of arithmetic. Teaching, however, was delivered in Russian [1, p. 73].

The missionary work becomes truly efficient in the second half of the XIX century with the emergence and state recognition of the system introduced by N.I. Ilminsky.

Conclusions

Contrary to the prevailing belief that Orthodox Christianity is but a superficial layer artificially propagated by Russian missionaries, alien to the Chuvash culture, the facts indicate support the idea of how deeply Orthodox Christianity is ingrained in its fabric. This process was greatly facilitated not only and not so much by the geopolitical situation, but by the Eurasian character of the donor culture itself, the activity of Orthodox missionaries, as well as the peculiarity of the Russian messianic idea, which provided positive complementarity of Russian culture in relation to the so-called foreigners. Christianity has become the force through which the Chuvash culture has been reborn, so to speak. Prior to the adoption of Orthodoxy within its ethno-religion, it was, though aware of its authentic integrity, an immature entity that needed to actualize its creative potential, being a field ready to grow a plentiful crop, but only provided that the soil is fertilized and sown on time.

References

1. Taimasov, L. A. Christianization of the Chuvash people in the first half of the XIX century. Cheboksary: ChSU, 1992. 144 p.
2. Fedotov, G. P. Saints of Ancient Rus (X-XVII cent.). Paris: IMKA-Press, 1989. 243 p.
3. Florovskiy, G. V. Eurasian Temptation. Russia between Europe and Asia. Moscow, 1993. P. 237–265.
4. Florovsky, G. Archpriest. Ways of Russian Theology. Preface by I. Meyendorff. Paris: IMKA-Press, 1983. 600 p.

Список литературы

1. Таймасов Л.А. Христианизация чувашского народа в первой половине XIX века / Л.А. Таймасов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 144 с.
2. Федотов Г.П. Святые Древней Руси (X-XVII ст.) / Г.П. Федотов. – Париж: IMKA-Пресс, 1989. – 243 с.

3. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн / Г.В. Флоровский // Россия между Европой и Азией. – М., 1993. – С. 237–265.

4. Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия / протоиерей Георгий Флоровский; предисл. И. Мейендорф. – Париж: ИМКА-Пресс, 1983. – 600 с.

Информация об авторах

Герасимова Наталья Ивановна – д-р культурологии, доцент БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

Герасимов Сергей Иванович – преподаватель БОУ «Чебоксарская общеобразовательная школа-интернат для обучающихся с ОВЗ» Минобразования Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

Дроздова Светлана Юрьевна – д-р культурологии, доцент Чебоксарского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the authors

Natalya I. Gerasimova – doctor of cultural studies, associate professor of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Sergey I. Gerasimov – teacher of BEI "Cheboksary Secondary Boarding School for Students With Special Educational Needs" of the Ministry of Education of Chuvashia, Cheboksary, Russian Federation.

Svetlana Yu. Drozdova – doctor of cultural studies, associate professor of Cheboksary Branch of FSBEI of HE "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", Cheboksary, Russian Federation.